

Геннадий Мурзин

ХАМЕЛЕОНЫ

Детективы в стиле ретро

Геннадий Мурзин

**Хамелеоны. Детективы
в стиле ретро**

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Хамелеоны. Детективы в стиле ретро / Г. Мурзин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902875-4

Откуда взяты сюжеты для книги «Хамелеоны»? Все из жизни, из советской жизни, в которой кто-то активно строил светлое будущее, а кто-то нечто обратное. Вот об этих, вторых и рассказывается в документальных повестях, то есть о личной и общественной жизни тогдашней номенклатуры Среднего Урала. Полезно всем пристальнее глянуть в нутро, на изнанку строителей коммунизма.

ISBN 978-5-44-902875-4

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Воскресший из мертвых	6
Часть 1	6
Часть 2	12
Часть 3	17
Часть 4	19
Часть 5	23
Часть 6	27
Часть 7	31
Алые седины	37
Часть 1	37
Часть 2	41
Часть 3	45
Часть 4	48
Часть 5	52
Часть 6	55
Часть 7	62
Часть 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Хамелеоны Детективы в стиле ретро

Геннадий Мурзин

Корректор Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин

Фотограф Сергей Мурзин

Фотограф Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2018

© Сергей Мурзин, фотографии, 2018

© Геннадий Мурзин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-2875-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Геннадий Иванович Мурзин, автор детективного романа, – на отдыхе. Черное море, Севастополь, сентябрь 2017. Если у читателей возникнет желание связаться, или высказать замечания по книге, то это можно сделать через электронную почту – gim41@mail.ru. Или на авторской странице издательства.

Воскресший из мертвых

Часть 1

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:¹

«1951-й год. Свердловск (и еще тринадцать других городов Союза) принадлежал к так называемым городам особого списка. И потому милиция входила в систему Министерства государственной безопасности (МГБ), а не в систему Министерства внутренних дел (МВД). Следовательно, мы отличались не только по форме (в буквальном смысле этого слова), а и по содержанию работы. Разумеется, мы знали гораздо больше, чем другие... Это так, кстати, для ясности».

Хотя самый первый июльский день и клонился уже к закату, но в воздухе по-прежнему чувствовалось знойное дыхание середины короткого уральского лета – жара под тридцать градусов.

Начальник управления Министерства государственной безопасности (УМГБ) по Свердловской области Степан Васильевич Чернышев грузно поднялся из-за массивного, сохранившегося еще с царских времен, стола и подошел к открытому настежь окну своего кабинета, выходящему на проспект Ленина. Он, глядя на лениво шелестящую листву тополя, слегка обвисшую и поблекшую от недостатка влаги в почве (дождей-то, считай, уже с пол-месяца нет), сказал, обращаясь, не оборачиваясь, к только что вошедшему Некрасову.

– Ну, что, капитан, по домам, а? Гляди, духотища-то – страшная, дышать нечем... Скорее – под прохладный душ!

– Товарищ генерал, я – не против, но...

– Какие еще могут быть «но», капитан? Вечер уже. И мы с тобой заслужили отдых...

Или не так?

– Так, конечно, так, товарищ генерал, но...

Чернышев насторожился. По-прежнему не оборачиваясь, спросил:

– Что-то случилось, капитан? С очередной неприятностью пришел?

– И да, и нет, товарищ генерал...

– Не ответ, а настоящий кроссворд. Как прикажешь понимать, капитан? – Чернышев обернулся и увидел в руках дежурного помощника какой-то грязно-серый лист бумаги.

Капитан приблизился к генералу и подал лист.

– Вот... шифровка из Москвы.

Генерал взял бумагу и пошел к столу, опиравшемуся на резные ножки, очень похожие, как две капли воды, на мощные лапы льва, ворча вслух:

– Так и знал, капитан... С добром тебя не жди...

– Виноват, товарищ генерал.

– Виноват? Если бы чувствовал вину, не пришел бы с этим, – он тряхнул бумажкой. – Виноват, виноват... Пожалел бы начальника... Кому, как не тебе пожалеть и пощадить, а, капитан?

– Я не мог, товарищ генерал...

– Если не ты, то кто должен щадить шефа?

– Не могу знать, товарищ генерал.

– Вот... так всегда... А еще помощником называется...

¹ В основу повестей, вошедших в книгу, положены реальные истории, которые были в разное время опубликованы автором в периодической печати. Некоторые фамилии действующих лиц из этических соображений изменены.

Чернышев тяжело опустился на стул, и тот издал жалобный стон.

– Постарел, бедняга.

– Вы о ком, товарищ генерал? Если...

– Ну, уж, нет, только не о себе. Я еще о-го-го! Только вот, – он начал шарить в столе и нашел-таки то, что искал, – старомодные в железной оправе очки и надел на нос, – с глазами, кажется, не того.

– Все-таки, товарищ генерал, вы о ком?

– Да о стуле, капитан. Тяжко ему приходится: сколько лет испытывает на себе такие перегрузки. Видишь, жалуется. А что я могу поделать, если такой вес набрал. Подо мной – хоть кто запищит.

– Вы, товарищ генерал, о стуле, как о чем-то живом...

– Посиди с мое да протри несколько пар галифе – сам запоешь тоже самое.

– Ну, да, – засомневался капитан.

Чернышев взял в руки шифровку, начал читать, но что-то вспомнил, поднял глаза на стоявшего капитана и посмотрел на него поверх очков.

– Ты, капитан, при случае, скажи начальнику ХАЗО, чтобы заменил на стул более надежный.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Глаза генерала быстро-быстро побежали по тексту. И чем дальше читал, тем больше хмурился. Прочитав, недовольно стукнул кулаком по толстенной дубовой столешнице.

– Черт! Кажется, капитан, не до душа...

– Так точно, товарищ генерал.

– Ты, как вижу, даже рад.

– Никак нет, товарищ генерал!

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Меня, как, наверное, многих других, в тот июльский вечер нашли дома, приказав срочно прибыть в известное для всех свердловчан учреждение на Вайнера, 4.

Прибыл, не мешкая. Кроме меня, было, видимо, человек сорок. В основном, опытные работники. Из молодых оперов УгРо я был, кажется, один.

Нам сообщили: на Западной Украине, где все еще полно националистов, выброшен десант из двух парашютистов. Один из них после приземления, решив сразу же обзавестись транспортным средством, украл велосипед. На этом и погорел. Задержали. Второму парашютисту удалось скрыться.

Зачитали шифровку, поступившую в УМГБ из Москвы. В ней, как сейчас помню, сообщалось, что оба парашютиста – бывшие граждане СССР. В годы войны оказались в плену. Находились в концлагере. Освобождены войсками генерала Эйзенхауэра. Завербованы американской спецслужбой. Несколько лет пробыли в разведшколе...»

...Село Светлояр Тамбовской области.

В старенький, почерневший от времени, бревенчатый домик на три оконца наведася гостенек. Для хозяев – Прасковьи Николаевны и Митрофана Денисовича – был совершенно не знаком. С его приходом как-то тревожно стало в душах стариков, хоть он все еще не произнес ни слова. Странно он как-то вел себя, загадочно.

«Глаз у него какой-то нехороший, смурной», – отметили про себя Томилины.

Встретили все же по-русски, уважительно. Ни о чем не спрашивая, посадили за стол, в красный угол, под образа. Сами сели на широкую и длинную лавку немного поодаль от стола. Хозяева вопросов не задавали, молчали, полагая, что гостенек, если надобность такая будет, заговорит первым.

И гость заговорил.

– Я из госбезопасности, лейтенант Свинцов, – обращаясь почему-то к Прасковье Николаевне, а не к Митрофану Денисовичу (догадался, видимо, кто в доме верховодит), представился он. – Я должен выяснить кой-какие детали... – он сделал паузу, цепко всматриваясь в лицо, густо испещренное морщинами и лишь потом добавил, – в отношении вашего сына.

Томилина недоумевающе подняла на него глаза.

– Какого такого сына? У нас было трое, а теперь вот век доживаем одни-одинешеньки. Помрем – упокоить, глаза закрыть будет некому, – старуха приложила к глазам уголок передника.

– Будет, старая, мокроту-то разводить, – вступил в разговор хозяин. – Горе наше уже трижды выплакано. Чего нет – того уж не возвернешь... А вам, гражданин хороший, скажу: в земельке лежат наши детки – давно уже. Старшой – Максим – у озера Хасан сгинул, погиб то есть. Средний – Сережа – в тридцать девятом на току в молотилку угодил, всего изломало, помер. Несчастный случай, сказали нам, с летательным исходом...

– Летательный или еще какой там исход – не знаю, – поджав губы, недовольно сказала хозяйка, – а вот насчет несчастного случая – сильно сомневаюсь. Чую, сердце матери говорит: чья-то злая рука подтолкнула парнишку к беде. Ходила я в НКВД, – она махнула рукой, – да что толку-то?..

Гость, конечно, слушал, но все больше стал проявлять нетерпение.

– С двумя – ясно. А третий? Он-то где?

Ответила хозяйка:

– В сорок первом мобилизовали, а в сорок четвертом погиб героически в Белоруссии.

Старушка встала, подошла к огромному кованому сундуку, стоявшему возле русской печки, приподняла массивную крышку и достала оттуда полотняный мешочек, перевязанный старым шнурком.

– Вот... похоронка, – она протянула гостю начавшую уже желтеть бумажку. – Старый, когда это было?..

– Что? Ездил, что ли, когда?

– Да, когда ездила-то?

– Считай, месяцев семь тому.

– Вот-вот... Съездила в Белоруссию, сыскала братскую могилу (это километрах в пяти от Гомеля), молитву сотворила по Васятке нашему, младшему, любимому, заскребышу. Памятник там ог-ром-ный. «Вечная слава героям» – написано на нем, кажись, золотом. И все фамилии, фамилии... Много фамилий. Среди них: «В.М.Томилин». Это, значит, наш Васятка.

Как бы из простого любопытства лейтенант госбезопасности Свинцов спросил старушку:

– А нельзя ли посмотреть его фотографию?

– Чью? Васятки, что ли?

– Да-да!

– Нету, – старушка растерянно развела руками. – Ни одной. Перед войной как-то не подумали: на глазах все был. Потом, когда писала ему на фронт, просила прислать карточку. Он сердито отвечал: не артист, чтобы фоткаться, а боец Красной Армии; не на курорте, мол, а бьюсь с проклятым фашистом. Не до фотографов ему, видать, там было.

Хозяин, все больше молчавший, но, тем не менее, мотавший себе на ус, встревожился не на шутку.

– Товарищ лейтенант, а почему вы все о младшем да о младшем спрашиваете? Вы что-то знаете? Что... Васятка-то жив?!

Свинцов встал из-за стола и поспешил к выходу. Уже у порога, взявшись за кованую дверную ручку, попытался успокоить старых людей.

– Нет-нет, что вы, успокойтесь, пожалуйста. Просто есть данные, что именем вашего погибшего сына могут воспользоваться. Кстати, если вдруг весточку какую-нибудь получите от воскресшего из мертвых – тотчас же поставьте в известность госбезопасность.

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«И милиционеры, и чекисты – все были буквально поставлены на ноги. Почему? Дело в том, что из показаний того, который был задержан сразу, после кражи велосипеда, стало известно: задание, с которым были выброшены парашютисты, непосредственно касалось нас. Было получено сообщение: исчезнувший парашютист-шпион направляется в Свердловскую область. И сфера его особого интереса – лагерь „100“. Даже я тогда не знал, что скрывается за этими цифрами. Уже гораздо позднее узнал: это строительство секретнейшего оборонного объекта в районе Верх-Нейвинска. Потом это все называлось „Свердловск-44“, теперь просто – город Новоуральск».

Шифротелеграмма из Москвы, поступившая в УМГБ Свердловской области:

«Приметы направляющегося в Свердловск разведчика: выше среднего роста, плечист, нос горбинкой, сухощав, глаза серые, волосы темные, слегка вьющиеся впереди, лицо круглое, чистое, без каких-либо внешних изъянов, походка – твердая, уверенная, возраст – 32 года. Генерал Троицкий».

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Мы знали: арестованный на Украине разведчик на допросе показал, что в одно из отделений связи Свердловска сразу по прибытии они должны были обратиться, где на каждого из них предполагался крупный денежный перевод. Откуда и от кого переводы – арестованный не знал. Проверить отделения связи предстояло мне. И точно! Я нашел два перевода! Оба пока не востребованы. Посоветовал работнику почты предупредить сразу, как только обратятся за получением этих именно двух переводов. Однако шли дни за днями, а за деньгами никто не приходил. Мне странным все это показалось, очень странным. По моим прикидкам, получалось, что исчезнувший парашютист должен был уже добраться до Свердловска. А поскольку с наличностью у него, по имеющимся сведениям, было туговато, то ему ничего другого не оставалось, как получить перевод. Жить-то на что-то надо!»

...Село Светлояр Тамбовской области.

Томилины-старики только что вернулись с колхозных угодий, где сообщая с другими стоговали сено. Притомились изрядно, поэтому в избу сразу не пошли, а присели на заваulinke, чтобы малость передохнуть.

Они издали заметили знакомую чуть прихрамывающую фигуру – это письмоносица Дуся. Старики ее не ждали, не радовались ее появлению, как раньше: уже несколько лет писем им она не приносила – не от кого. Последняя ее услуга и та печальная – похоронка на шершавой оберточной бумаге, сообщавшая, что их Васятка, последний сынок, пал смертью храбрых при защите Родины.

Дуся, поравнявшись с ними, издали крикнула:

– Здравствуйте!

Ответила Прасковья Николаевна:

– Здравствуй, милая, здравствуй. Все бегаешь, людей радуешь?

На этот раз Дуся, как ни странно, не прошла мимо, а свернула к ним, на ходу расстегивая свою брезентовую наплечную сумку.

Старики переглянулись.

– А я – к вам...

Прасковья Николаевна, прикрываясь от солнца ладонью, тревожно смотрела на нее.

– Случилось что?

– Если и случилось, то радостное...

– Что ты, милая, какая может быть радость для нас, стариков?

– Вот, – она протянула свернутый пополам листок, – тебе, Прасковья Николаевна.

Старушка опасливо смотрела на бумажку и не спешила ее брать.

– Что это?

– Как «что»? Бери же!.. Телеграмма это.

– Шутишь все...

– Нет же! Какие шутки... Распишись вот здесь, в тетрадке. Мне почему-то кажется, что там хорошие вести.

Томилина попробовала было трясущимися от волнения руками нацарапать свою фамилию, но не смогла. Попросила молчавшего и угрюмо смотревшего на происходящее мужа:

– Распишись, старый, а у меня... никак, пальцы отказываются слушаться, – потом, подняв глаза на письмоносицу, с надеждой в глазах спросила. – От кого это, как думаешь, Дусь?

– Бланк-то заклеенный – не представляю. Распечатаете и узнаете... Простите, спешу.

Дуся побежала дальше. Долго Прасковья Николаевна не решалась распечатать. Все не верилось, что это именно ей, а не кому-то другому; все казалось ошибкой.

И, наконец, – решилась.

Текст телеграммы:

«Мама зпт здравствуй тчк Я жив здоров тчк Извини зпт не писал тчк Подробно-сти потом тчк Нахожусь в тяжелом материальном положении тчк Прошу телеграфом выслать Свердловск ж.д вокзал почта до востребования 200 рублей тчк Привет батяне зпт если жив тчк Сын Василий тчк».

Раза три перечитала – не меньше. Потом (для верности) мужа заставила перечитать вслух. Нет, она ничего не напутала. Но как же... Сама, собственными глазами видела могилку Васятки... фамилию свою... И... похоронка, к тому же... Чудно... И вчерашний сон – в руку. Будто, вышла она за околицу, чтобы буренку домой загнать. И видит, как вдалеке, там, на взгорье, вдоль лесной опушки идет-вихляет человек, на костылях, в длинной шинели и пилотке. Идет как бы не к ней, а от нее в сторону. Пригляделась, узнала: ее Васятка. Попробовала окликнуть: куда, дескать, от родной матери-то? Голоса своего не слышала. Вроде губами шевелила, а из горла – ничего, ни звука. А он, ее Васятка, будто услышал ее или почуял, что мать зовет, обернулся и молча стал рукой показывать-манить: иди, мол, за мной. На этом все и кончилось. Потому что старый рядом завозился и прервал сон, не дал досмотреть. Она сердито ткнула мужа в бок. Тот открыл глаза: «Что толкаешься?» «Сына, Васятку, во сне видела, – сказала она, – он за собой звал. Видно, и в самом деле на этом свете задержалась я. Настала и мне пора собираться туда, к сыну». Старик повернулся на другой бок: «Не чуди, старая. Спи». Он тотчас же захрапел, а она так до утра больше глаз и не сомкнула. Теперь, пожалуйста, эта телеграмма, с Урала, где Томилины и не бывали никогда.

– Что думаешь, старый, а? – спросила она все время угрюмо молчавшего мужа.

– Слышала, что сказал лейтенант?.. Злой человек шуткует с нами – не иначе.

– Какой ты после этого отец, – укорила она, – если ничто внутри у тебя не ёкнуло... Дитяtko, родимое, в беде, помочь просит, а ты? Сердцем чую, что он, мой Васятка!

Старик только рукой махнул, понимая, что спорить бесполезно.

– А... делай, как знаешь. Я же Васятке, если только он в самом деле жив, не враг какой-нибудь...

– Соседка сказывала намерднн, будто бывает, что и после похоронки возвращаются живехонькими. А вдруг и с сынком писарь описку сделал? – она надолго замолчала. По морщинистому лицу покатились слезы. Утерев их концами головного платка, вслух произнесла. – Где такие большие деньги взять?

– Может, к председателю колхозной? У нее водятся, слыхал, – посоветовал муж.

Раздобыла-таки мать деньги, а на следующий день, упросив бригадира отпустить ее, отправилась в райцентр, на почту. Отправив деньги, получив на руки квитанцию, крепко задумалась. Тревожно, боязно стало. А вдруг, подумала она, и в самом деле такую уйму денег отослала незнамо кому. Еще раз на память пришло предостережение человека из госбезопасности. Они, сказывают, шутить не любят. Неровен час, вместо сына бандюге подмогла. А что? В книжках или в газетах тоже разное пишут...

Нерешительно, озираясь по сторонам, вошла Томилина в райотдел милиции. Старшина с повязкой на рукаве (еще совсем молоденький), завидев старушку, весело спросил?

– К кому, бабуля? Не старик ли пообидел?

Прасковья Николаевна крепко обиделась на такие слова милиционера.

– Нет, милоч, он – мужик самостоятельный, не тебе, пустобрех, чета. Поболе сорока годков живем, а худого слова от него не слыхивала. К вам же пришла по делу... Мне бы с лейтенантом Свинцовым свидеться, хочу поговорить.

– Со Свинцовым?! – растерявшись, переспросил дежурный.

– Да, со Свинцовым, – подтвердила старушка.

– Тогда – не к нам...

– Что ты, милоч? Вы разве не госбезопасность?

– Нет, бабушка: мы – милиция...

– Не все одно?

– Большая разница... Свинцов, который нужен, в соседнем с нами здании. А вы, бабушка, не ошиблись? Зачем вам понадобился лейтенант госбезопасности?

– Ну, это уже, милоч, тебя не касается, – сердито отрезала Томилина и вышла.

Часть 2

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Все сотрудники милиции и чекисты получили инструкции, как действовать, если вдруг обнаружат бесследно исчезнувшего парашютиста. Предупредили: вооружен до зубов, а поэтому будет оказывать сопротивление до конца, при любых обстоятельствах. Вплоть до уничтожения всякого, кто попытается взять. Имелась ввиду, конечно, и возможность самоликвидации. По другим случаям знали, что это значит: обычно шпионам на самый крайний случай вшивали в воротник стеклянные ампулы с цианистым ядом, действующим мгновенно. С год до этого также... Взять-то взяли, но зазевались, тот щелк – и готово. В руках – труп, вещь для чекистов совершенно бесполезная. Значит? Необходимо не только задержать, а и предотвратить возможность использования яда, то есть не допустить смерти».

...В кабинет начальника шестого отделения милиции (тогда оно располагалось вблизи железнодорожного вокзала, на улице Свердлова) вошли двое.

– Что у вас? – спросил вошедших капитан Шестаков.

Вперед выступил мужчина лет тридцати. Шестаков про себя отметил: «Крепкий парень. И лицо приятное, улыбочное, располагает».

– Сергей Федорович, простите, ради Бога, что отрываем вас от дел ваших неотложных. Но выхода у нас другого нет. Мы вот тут с приятелем в командировку поехали, в поезде малость перебрали. Ну, и... все наличные деньги... Они у меня хранились... получилось нехорошо.

– Я-то тут чем могу помочь? – удивился капитан. – Деньгами? У меня нет лишних.

– Что вы, что вы, Сергей Федорович! Да не за тем мы к вам, не нищие какие-нибудь, не побирушки.

– Тогда – чем же могу помочь?

– Сергей Федорович, понимаете, вместе с деньгами я и паспорт утерял. Слава Богу, приятель хоть не сглумил. Его паспорт цел.

– Так что вы от меня хотите?

– Мы сделали в Свердловске, так сказать, вынужденную посадку, вышли из поезда. Я позвонил домой, попросил прислать немного денег, чтобы добраться до места назначения.

– Ну и...

– На почте без паспорта деньги не выдают.

– Естественно. А вы что хотели?

– Я вот тут написал доверенность приятелю, у него паспорт имеется. Он получит по моей доверенности, но ее надо заверить. Подпишите, пожалуйста, Сергей Федорович. Выручите.

– Какая чепуха! А я-то думал... Давайте сюда, заверю вашу доверенность. Только не пейте много, а то снова.

– И печать, пожалуйста, поставьте.

Капитан шлепнул печатью и шутливо сказал:

– И печать, вот, ставлю.

Посетители вышли. А капитан, пряча в сейф печать, вслух произнес:

– Вот к чему ведет злоупотребление спиртным.

Шифротелеграмма, поступившая в УМГБ Свердловской области:

«Установлено, что разведчик-парашютист, избежавший ареста на Украине, уже находится в Свердловске. В ближайшие дни он должен обратиться в отделение связи, что на железнодорожном вокзале, где на имя Томилина Василия Митрофановича находится

денежный перевод на 200 рублей. Примите меры к задержанию любого, кто попытается получить деньги по указанному переводу. Генерал Троицкий».

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«После получения шифровки меня, молодого опера, пригласили к начальнику штаба УМГБ и приказали сейчас же отправиться на вокзал, на почту. Я так и сделал. Но на почте меня огорошили: перевод уже получен! Кем? Неким Глазковым. Но почему ему выдали денежный перевод, если адресат совсем другой? По доверенности, сказали мне, по доверенности, оформленной честь честью. Выходит, доверенность и заверена? Именно так. Более того, сказали мне, доверенность заверил сам начальник шестого отделения милиции: есть его подпись и печать. Достали и показали мне ту доверенность: все точно – подпись капитана Шестакова...»

Когда в кабинет начальника УМГБ вошли вызванные по этому случаю, генерал все еще нервно ёрзал на стуле, машинально передвигая по столу с одного места на другое тяжелую, из зеленого стекла, чернильницу. Степан Васильевич Чернышев, по свидетельству очевидцев, отличался от многих других командиров необычайным спокойствием. Казалось, его ничто неспособно вывести из равновесия.

Но если случалось войти ему во гнев, то становилось страшно. Слава Богу, такого почти не было. И, тем не менее, его боялись, как огня. Он редко вызывал к себе, так сказать, «на ковер» для чистки мозгов, не дергал подчиненных по любому поводу. Но когда подобное происходило, то все знали – не поздоровится.

– Итак, где же наш «именинничек»?

Сидевший у самых дверей капитан Некрасов вскочил со стула, как подброшенный.

– В приемной, товарищ генерал! Позвать?

– Давай – сюда.

Некрасов приоткрыл дверь кабинета.

– Шестаков, к генералу!

Вошел Шестаков. Сделав несколько шагов в сторону сидевшего за столом начальника УМГБ, он замер по стойке смирно, вытянувшись в струнку.

– Капитан Шестаков по вашему приказанию явился...

Генерал, упершись в него своим тяжелым взглядом, прервал.

– «Явился», говоришь? – тихо спросил он. – Пора бы знать, капитан, что являются только черти.

– Извините, товарищ генерал, – Шестаков решил исправить оплошность, поэтому повторил. – Капитан Шестаков по вашему приказанию прибыл.

– То-то же, – все также тихо, но с сильным нажимом сказал генерал, продолжая вошедшего сверлить взглядом, от чего лицо Шестакова стало бледнее бледного, а руки, вытянутые по швам, мелко-мелко задрожали.

В кабинете повисла мертвая тишина. Все боялись ненароком стулом скрипнуть.

– Ну-с, капитан, чего молчим? Изволь говорить... Знаешь, зачем вызвал?

– Так точно, знаю, товарищ генерал... Виноват, товарищ генерал... Вам, наверное, доложили...

– Верно, капитан, мне доложили. Но мне, знаешь ли, доставит удовольствие еще раз услышать, но теперь от тебя. Слушаю, капитан.

– Ну...

– Ты чего тут нукаешь? Не с лошадьми дело имеешь, чтобы понукать... Докладывай – коротко и четко! Никаких «ну», «тпру» и тому подобного, ясно?

– Так точно, товарищ генерал!.. Пришли двое; сказали, что в пути у них выкрали деньги и документы одного из них; что на почте на имя одного из них имеется денежный перевод, но чтобы получить, требуется доверенность; попросили заверить доверенность... Ну и...

– Опять?
– Виноват, товарищ генерал... Пожалел мужиков: подписал и поставил печать.
– Как ты мог, капитан?
– Виноват, товарищ генерал.
– Ты что, не получил нашу ориентировку?
– Получил, товарищ генерал.
– Выходит, не читаешь то, что получаешь?
– Читал, товарищ генерал. И помню наизусть.
– Тогда – в чем дело? Объясни мне, как ты мог не разглядеть стоящего перед тобой разыскиваемого нами особо опасного диверсанта?

– Виноват, товарищ генерал...
– Виноват? А не смог бы ты объяснить, в чем твоя вина?
– Виноват, что потерял бдительность и не разглядел перед собой врага.
– Но как можно? Все управление вот уже несколько дней буквально стоит «на ушах», люди не знают ни сна, ни отдыха, перед тобой – разыскиваемый, а ты?!

– Виноват, товарищ генерал.
– Что-о-о? Товарищ? Я?! Тебе?! – лицо генерала на глазах стало багровым. Он привстал и оперся обеими руками о столешницу, по-прежнему не спуская глаз с капитана, смертельно напуганного, но тем не менее прямо смотревшего в лицо генерала. Терпению Чернышева пришел конец. – Тамбовский волк тебе товарищ! – бешено взревел генерал. – Вон из кабинета! Вон из органов! Чтобы сегодня же тобой и не пахло! Вон!

Шестаков развернулся на сто восемьдесят градусов и, четко печатая шаг, вышел из кабинета. Когда за капитаном закрылась дверь, генерал тяжело опустился на стул, достал носовой платок, вытер выступившую испарину на лице.

– Нет, какой негодяй, а? И как только земля таких мерзавцев носит?.. Подумать только: он был... был же в наших руках, а мы? Что мы? Что мне в Москву докладывать? Стыдобушка!.. Нет, таким ротозеям в органах не место. Гнать, гнать поганой метлой таких надо!.. Как, как мне докладывать Москве! Был он в руках и мы... упустили!.. Нет, такого унижения еще я не испытывал.

Генерал замолчал. И в мертвой тишине кабинета лишь слышались его ритмичные постукивания пальцами по столешнице. Он думал. А мешать думать генералу никто не осмеливался. Прошло минут пять. В кабинете – все та же обстановка. Никто не решался первым заговорить. Никто не хотел вызвать на себя гнев генерала. Все решили, что надо дать генералу чуть-чуть остыть. Что-то надо было делать. Первым встал со своего места полковник Ярославцев.

– Я пойду. Разрешите?

– Куда это ты собрался, Алексей Денисович, а? – уже совершенно спокойно спросил Чернышев своего зама по кадрам. По кабинету пронесся вздох облегчения. Все присутствующие поняли: гроза миновала. Послышались пока еще легкие шорохи: люди стали разминая затекшие и немного онемевшие члены.

– К себе, товарищ генерал... Готовить приказ об увольнении из органов...

– И кого же, позволительно будет спросить, собираешься увольнять?

– Не понял, товарищ генерал...

– А что тут такого непонятного, полковник? Я спросил: кого собираешься увольнять?

Ярославцев все еще не мог ничего понять. Он не смог уловить смену настроения своего начальника.

– Я понял, что... Согласно вашему указанию... подлежит немедленному увольнению из органов капитан Шестаков...

– Ишь, какой приткий у меня зам. Сразу и увольнять? Кого ты решил, полковник, уволить? Шестакова?! Орденоносца?! Бывшего командира взвода разведки, прошедшего всю войну? Уволить Шестакова, который год назад лично, собственными руками взял целыми и невредимыми трех бандюг? Вот ты, полковник, за всю свою жизнь хоть одного бандита взял? Нет, не взял. А он не одного, а сразу троих... Так-то вот... Чувствуешь, кого собираешься увольнять, чувствуешь!?

– Товарищ генерал, не я, а...

– Вот так всегда: чуть что – это, мол, он такой «бьяка». С чего ты решил, что капитана Шестакова надо увольнять да еще немедленно?

– Но вы же сами... только что...

– Ну, что, что я?! Погорячился, конечно, чуть-чуть... Сказал пару ласковых капитану – и только. Мало ли... бывает... Я, что, не человек?.. Нервы тоже не железные... Сорвался... пошел вразнос...

– Не понял, товарищ генерал.

– В том-то и беда, полковник, что не понял.

– Не понял...

– Что ты заладил, как попугай, одно и тоже: не понял, не понял. Соображать надо, полковник.

– Но... что же мне делать в таком случае? Не готовить приказ?

– Нет, приказ обязательно нужен, полковник, но вот какой – другое дело. Более того, с этим приказом надо под расписку ознакомить весь личный состав органов. Всем показать, к чему ведет утеря бдительности. И Шестакову станет хорошим уроком. Я так думаю: надо Шестакова понизить в должности. Пусть-ка побегает годок, другой в замах по оперативным вопросам в том же, шестом отделении. А дальше – видно будет, – и уже, обращаясь ко всем присутствующим, генерал спросил. – Как считаете, товарищи офицеры, это правильно?.. Он не будет на нас в обиде?

Заулыбался генерал. Заулыбались и окончательно оживились все остальные.

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«...А тем временем задержали Глазкова. Оказался самым заурядным вокзальным завсегдатаем – бродягой. А чего, удивился тот, подошел культурный такой мужик, из интеллигентных. Сказал, что паспорт с деньгами выкрали, дальше ехать не на что. Пришел перевод. Получишь, сказал, – тридцатка твоя. Не дурень, согласился. Встречался ли с ним до того или после? Нет, говорит, никогда!»

Шифровка, поступившая в УМГБ Свердловской области:

«По имеющимся сведениям, агент, оказавшись в затруднительном положении, может пойти на установление связей с законсервированной агентурой. Возьмите под наблюдение:

а) Черемисов Макар Семенович; завербован Абвером в сорок втором в период его нахождения в плену; заброшен на Урал без определенного задания, с целью вживания в окружающую обстановку (с перспективой работы в отдаленном будущем, при необходимости); в настоящее время работает на Невьянском механическом заводе;

б) Серегина Наталья Алексеевна; бывшая фронтовая подруга майора Серегина Бориса Алексеевича; в сорок пятом, перед окончанием войны поженились; Наталья Алексеевна завербована американской разведкой; известно, что ее муж, служивший некоторое время комендантом небольшого немецкого городка Зальцбург, вскоре демобилизовался и по настоянию жены переехал на постоянное жительство в Свердловск; сам Серегин, работающий сейчас редактором газеты, скорее всего, не знает, что его жена подписала обязательство сотрудничать с ЦРУ; сейчас Серегина работает дежурной по станции

Свердловск-Сортировочный и пока никаких заданий не получала и не выполняла. Генерал Троицкий».

Часть 3

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Прошла еще одна тревожная для всех нас неделя. Видел, что начальство, как говорится, на взводе, нервничает. Москва каждый день подстегивает: чего, мол, медлим; почему нет результата, и когда будет; сколько можно возиться с одним-единственным разведчиком? Москву понять можно: человек – как на картинке. Все про него известно, вплоть до мельчайших подробностей его биографии. Однако, приехав в Свердловск, как в воду канул: нигде его нет. Раз только мы его и видели. Когда стоял перед начальником шестого отделения милиции (теперь уже бывшим) Шестаковым. Везде таскали с собой Глазкова, чтобы тот помог его опознать. Как-никак, а он общался со шпионом несколько часов».

...Село Светлояр Тамбовской области.

Прасковья Николаевна, подоив корову и процедив парное молоко, разлив его по трехлитровым глиняным горшкам-крынкам, составив в ряд на полках погреба, прикрыв каждую из них деревянным кругом, а сверху придавив камешками потяжелее (это, чтобы Муська-пакостница не забралась и не слизала отстоявшуюся сверху сметану; тоже вот, негодница, нет, чтобы мышей, которых развелось нынешним летом видимо-невидимо, отлавливать, так она повадилась лакомиться свежими сливками), то есть, управившись по хозяйству, вышла за ворота и села, освещаемая последними закатными лучами солнца, на завалинку, чтобы отдышаться. Тут же собрались соседки. Стали говорить – о том о сем, сплетничать, косточки деревенским перебивать. Тут Сергеевна, соседка справа, вдова (муж-то погиб в войне), воспитывающая одна троих оставшихся детей (двух парней и девчонку), возьми да спроси:

– Слышь-ка, Николаевна, на селе рассказывают: ты намедни телеграмму получила... От кого это, а, соседка? Уж не от сына ли, Васятки, погибшего в войну?

– Чего ты мелешь, Сергеевна? Виданное ли дело, чтобы от покойника телеграммы получать? – поджав недовольно тонкие губы, вопросом на вопрос ответила Прасковья Николаевна Томилина и замолчала, давая понять, что продолжение этой темы неуместно.

Но остановить соседку уже было нельзя.

– Нет уж, ты все-таки скажи, от кого телеграмма? Секрет, что ли? Все равно не скроешь.

– Это верно: от тебя, болтушки, не скроешься.

– А, коли так, то и не таись. Мы тебе тоже не чужие. Можем и совет правильный посоветовать, по-соседски. С мужем-то тебе не того: он все молчком да молчком. У него всяко слово на вес золота: лишнего не дождешься.

– Да, уж... Как ты, попусту чесать языком не станет.

– А и верно, Николаевна, чего от нас-то прячешься? Аль нельзя? Не на Колыме ли Васятка твой, ай? – вступила в разговор Марфа Силовна Ступакова, жившая одна за три дома от Томилиных.

– Ну, что ты, ей-Богу, околесицу такую несешь, Силовна? Какая Колыма? Верно говорят: язык – без костей.

Отповедь не остановила Ступакову.

– Сама знаешь: в селе все мы – как на ладони... Да вот и председательша...

Томилина встревожилась.

– Что?.. Что председательша?

– Вчерась в сельмаге при всех болтала, будто ты у нее заняла двести рублей; будто чуть ли не на коленях перед ней стояла, умоляя одолжить. Зачем тебе такие деньги, скажи?

– А на другой день, – добавила Сергеевна со своей стороны, – у бригадира отпросилась и убежала в район. Я там недавно была, заходила на почту, чтобы с подружкой повидаться.

Так, та сказала, что ты большие деньги отослала. Она не видела кому, но рассказывает, что какому-то мужику. Странно все это, соседка. И что ты затеваешь, ума не приложу.

– А еще, – Ступакова решила все, что знает, выложить за раз, – за день, верно, перед телеграммой из района к тебе важный мужик в шляпе приезжал. Сама в окошко видела... При галстукe, с портфелем... Солидный такой. Кто таков, а, Николаевна?

– Да... приезжал один...

– Кто? Кто, скажи?!

– Так... один... из районного учреждения.

Соседки, придвинувшись ближе, приготовились слушать, но прежде засыпав вопросами.

– Из какого?

– Что ему надо было?

– А это не страшно?

Томилина, осердившись, встала, собираясь уйти.

– Что вы пристали ко мне? Мне запретили болтать насчет этого, ясно?! Прицепились, как банные листки к голой заднице... А вот с переводом... Да, кажись, я того... Не надо было этого делать... Ну, да чего уж теперь-то... Что сделано, то сделано – назад не возвратишь... Я пошла. Притомилась что-то шибко.

Томилина ушла, прикрыв за собой ворота. Соседки продолжали сидеть, переглядываясь и перемигиваясь между собой. Ступакова, когда все поднялись, собираясь разойтись, качая головой, произнесла:

– Да, девки, с Николаевной что-то неладное. Как бы большой беды не приключилось. Надо поговорить с председательшей. Она грамотная. Она все знает. Она подскажет, как быть.

Шифротелеграмма в УМГБ Свердловской области:

«Примите дополнительные меры к задержанию парашютиста. Срок – трое суток. По истечении их – прибыть в Москву с докладом. За результат – отвечаете персонально. Генерал Троицкий».

Часть 4

Чернышевы – Степан Васильевич и Светлана Викторовна – в одиннадцатом часу вечера вернулись домой. Вернулись из оперного театра, где были на премьере оперы «Аида», и все еще находились под впечатлением увиденного и услышанного. В прихожей, снимая обувь и верхнюю одежду, они услышали визг своей девочки:

– Бабуля! Слышишь, мамочка с папочкой пришли!

Девочка семи с половиной лет, с растрепанными косичками и радостными светящимися зеленоватыми глазенками вылетела из детской и повисла на отце. Сказать, что Степан Васильевич обожал дочурку, – это ничего не сказать. Он ее боготворил, молился и готов был сделать для нее буквально все. Баловал, одним словом. Баловал, потому что ребенок-то, так сказать, поздний. Война была. Оба были на фронте. Как тут заведешь ребенка? Безответственно! И только в мае сорок пятого, после Победы решились сделать «заказ». Так что папочкой стал лишь в сорок с хвостиком.

Беременность у Светланы Викторовны, к тому же, проходила сложно. Понятно: возраст! Врачи откровенно не рекомендовали рожать, утверждая, что возможен во время родов летальный исход – либо для роженицы, либо для ребенка. Конечно, Степан Васильевич мечтал о ребенке, но не настаивал, готов был смириться с мыслью о прерывании беременности. Но супруга, понимая, что такое ребенок для него, – решительно заявила, что будет рожать; что она уверена – все будет нормально.

В самом деле, все обошлось. Хотя и родилась девочка несколько ослабленной, но здоровенькой и вес стала набирать буквально на глазах. Более того, для роженицы без скольких-нибудь серьезных последствий.

Степан Васильевич, понятно, был атеистом. Но с появлением дочурки все чаще стал задумываться о существовании каких-то неземных сил, влияющих на человеческие судьбы. Ведь, вот, кто-то же сделал ему такой подарок. Кто? На земле таких нет. Все были против. Значит... Если очень-очень чего-то захотеть и попросить, попросить у НЕГО, то... Думать-то он думал обо всем этом, но вслух не заговаривал, даже в семье, даже с родной матерью, на руках которой выросла девочка. Говорить – нельзя. Но, слава Богу, хоть думать-то не могли запретить советскому человеку. Правда, и он это знал, как никто другой, иногда и за одни лишь мысли отправляли на Колыму. Он по-прежнему оставался атеистом. Но червь сомнений начал подтачивать его идейные устои. Впрочем, об этом не мог знать никто.

...Степан Васильевич, расцеловав девочку, неся ее на руках, крепко-крепко прижимая к груди, прошел в гостиную. Но там его поджидал сюрприз. Он вошел и увидел сидящего на тахте своего помощника, капитана Некрасова. Он поставил девочку на пол.

– Так-так... А ты что тут делаешь? – он не стал дожидаться ответа, а крикнул в коридор. – Мама, зачем ты егопустила?!

На пороге появилась маленькая и худенькая, седая, как лунь, старушка.

– Сынок, не сердись на помощника, ладно? Он не хотел. Он собирался уйти. Я уговорила подождать. Сказала, что ты, Степа, вот-вот появишься.

Генерал решил пошутить.

– Если это решение Верховного Главнокомандующего, – так он называл мать лишь в очень хорошем расположении духа, – быть по сему, – он повернулся к стоящему уже на ногах капитану и погрозил пальцем. – Но ты у меня смотри, чтобы без этих штучек. Телефон есть! Могу я хотя бы в свой законный выходной не видеть тебя?

– Виноват, товарищ генерал. Но у меня такое дело, что, – он остановился и посмотрел на генеральскую мать, все еще стоящую в дверях гостиной.

Генерал обернулся к матери.

– Мама, оставь, пожалуйста, нас одних. И дочурку заberi.

– Да ладно вам... Прямо! Нужны вы мне с вашими тайнами. Секретничайте, хоть до посинения.

Мать вышла и с собой увела внучку.

– Так что у тебя? И присаживайся. Не стой, как истукан.

Капитан выполнил приказ и присел назад на тахту.

– Понимаете, товарищ генерал...

Чернышев недовольно прервал.

– Я пойму – не сомневайся. Но лишь после того, как доложишь. Короче!

– Капитан Шестаков...

– Что с ним? Что еще мог натворить этот мерзавец?

Хоть и в домашней обстановке, но все равно Некрасову нелегко приходилось с генералом.

– С ним – ничего, товарищ генерал...

– А с кем?

– Час назад в управлении появился Шестаков...

– Зачем? Лично я его видеть пока не готов – слишком рано.

– Он пришел с очень важным сообщением, товарищ генерал.

– С каким еще?

– Последние дни капитан Шестаков по вечерам, по собственной инициативе (говорит, чтобы загладить вину) стал мотаться по городу. Он появлялся там, где большое скопление народа – на вокзалах, на остановках транспорта, возле кинотеатров и ресторанов, в парках и скверах.

– Зачем?

– Он видел парашютиста и ему легче его опознать. Он понадеялся на удачу. Он подумал, что может встретить его...

– И что? Встретил?!

– Так точно, товарищ генерал. Час с небольшим назад. Увидел в толпе зрителей, выходящих из кинотеатра «Октябрь» после сеанса.

– Этого не может быть! Он, наверняка, перепутал. Сотни людей уже две недели рыщут и – ничего. А он? Пошел – нашел? Так только в сказках бывает.

– Нет оснований, товарищ генерал, ему не верить.

– Оснований верить ему ровно столько же... Москва мне по десять раз на дню мылит шею. И из-за кого? Из-за него, ротозея!

Генерал встал, прошел к книжным полкам, отодвинул несколько книг, залез туда рукой и стал шарить. Нашарил. Вытащил початую пачку «Беломора» и бензиновую зажигалку, фронтую. Вынул папироску, придавил бумажный мундштук, щелкнул зажигалкой и прикурил. Сделав первую затяжку, он вернул назад папиросы и зажигалку, поправил книги. Все на полке выглядело по-прежнему: комар носа не подточит. Видя, с каким неподдельным интересом за его манипуляциями наблюдает Некрасов, заметил:

– Приходится.

– Но вы же, товарищ генерал, не курите.

– С вами любой закурит. И не только. Можно и запить... Да, слушай, капитан, может, тыпнешь стопаря? – он потянулся к буфету. – Я налью.

– Мне нельзя. Вы же знаете, товарищ генерал.

– Ты прав, нельзя, но если очень хочется, то можно.

– Никак нет, товарищ генерал: я – на службе.

– Ты с кем споришь? Приказы не обсуждаются, а исполняются.

– Если только так...

– Извини, я пошутил.

Генерал, докурив папиросу, затушил окурок, оторвал от лежащей на столе газетки клочок, и тщательно упаковал в бумагу.

– Прячу улики, – подмигнув капитану, сказал он и присел за стол. – Допустим, Шестаков действительно столкнулся с тем, кто нам нужен, – он с минуту помолчал. – Да, где он сейчас?

– Кто, товарищ генерал? Шестаков? Он ждет в управлении.

– Нет. Где парашютист?

– Гуляет по городу.

– Что, опять?! И что мне с вами делать, а?

– Не волнуйтесь, товарищ генерал, все под контролем.

– Как понять «под контролем»?

– Буквально, товарищ генерал.

– Так ты не все мне рассказал?

Капитан осмелел, поэтому и ответил:

– Вы мне не даёте сделать это, товарищ генерал.

– Даже так? – генерал удивленно уставился на своего помощника. – Извини, капитан. Теперь – слушаю и молчу, пока не расскажешь все, что считаешь нужным. Итак...

– Капитан Шестаков издали заметил выходящего в толпе парашютиста. Времени у него не было, поэтому на ходу принял решение...

– Неужели пошел на задержание? Не следовало этого делать... Вот, черт! Не везет так не везет.

Капитан совсем обнаглел, напомнив генералу:

– А вы обещали...

– Извини, молчу.

– Шестаков, опустив вниз голову, как бы задумавшись, пошел ему навстречу и натолкнулся на него. Сначала сказал: извините, задумался. Потом поднял глаза на него и воскликнул (воспроизвожу по его рассказу): «Это вы? Откуда? Вы же говорили, что путь держите в Новосибирск?» Тот, ничуть не смутившись от встречи, спокойно сказал: «Рад, товарищ капитан, что вас встретил. Спасибо, что поддержали в трудную минуту. Если бы не вы...» Шестаков спросил: «А где ваш товарищ?» «Я свои дела сделал, – ответил парашютист, – и теперь возвращаюсь домой, а приятель еще остался в Новосибирске. А я решил сделать остановку в Свердловске. Думал, завтра зайти к вам и поблагодарить». Капитан, видя, что тот намеревается поскорее отвязаться от него, спросил: «Когда дальше путь? Ночью? Что ж, счастливой поездки». На том и расстались.

– Мужик-то головастый, оказывается, как считаешь?

– Вы о капитане Шестакове?

– О ком же еще?

– Согласен с вами, товарищ генерал.

– Какой молодец!

– И потом, товарищ генерал, он действовал не менее четко. Не упуская из вида парашютиста, по телефону-автомату позвонил в шестое отделение, и вызвал на подмогу оперативников в штатском, чтобы те крутились возле летнего кафе, что на углу Ленина и Карла Либкнехта и ждали его дальнейших указаний. Далее он заскочил в магазин, взял бутылку портвейна и сделал так, чтобы вновь как бы нечаянно столкнуться с парашютистом. Шестаков предложил зайти в кафе и принять по чуть-чуть. Тот стал отказываться, но Шестаков уговорил. Там, в кафе, взяв под закуску две порции сыра, уселись за столик. Налил в стаканы до краев. Предложил выпить за знакомство. Парашютист лишь пригубил, и пить не стал.

Но Шестаков, чтобы не возбуждать подозрений, одним духом опорожнил стакан. Потом налил еще столько же и выпил также. Через минут двадцать окосел...

– В самом деле?

– Нет, не совсем. Притворился. Полез обниматься к тому, целоваться. И, наконец, засобирался домой. Вышел из кафе, завернул за угол, огляделся, убедился, что тот все еще в кафе, приблизился к стоявшим оперативникам и приказал «пасти»... До тех пор, пока их не смеют. А сам – сразу к нам. Зная, что это дело у вас на личном контроле (да и Москвы – тоже), решили погодить с решительными действиями, до получения лично ваших инструкций, товарищ генерал. Вот, собственно, и все.

– Значит, так... – генерал, подумав, заметил. – Наверное, следовало сразу же снять с «хвоста» оперативников шестого отделения. Как-никак, а это сподручнее чекистам: объект-то чрезвычайно хитер – не какой-нибудь уголовник.

– Так и сделано, товарищ генерал. Всю ответственность взял на себя подполковник Савельев, старший оперативный дежурный управления. Однако он не решился отдать приказ на задержание.

– Вот это правильно. Спешка, сам знаешь, в каких случаях нужна. Вот что, – генерал встал, – я пошел облачаться, а ты, тем временем, позвони Савельеву и от моего имени прикажи, чтобы сейчас же подняли по тревоге всех руководителей оперативных групп, задействованных по делу... для инструктажа. Я сейчас подъеду. Обговорим, как дальше действовать.

– Как я понимаю, товарищ генерал, вы не намерены задерживать парашютиста?

– Ты правильно понял. Есть, капитан, у меня идея.

Шифровка в Москву из УМГБ Свердловской области:

«Докладываю: нами взят в плотное кольцо объект „Z“. За ним установлено круглосуточное наблюдение. О плане дальнейших действий сообщу через два часа. Генерал Чернышев».

Часть 5

Ольга Ивановна Емлина, инженер-технолог на заводе, именуемом в народе «333» (или «три тройки») несколько часов назад, вернувшись с работы (воскресенье выдалось рабочим: по графику), не застала его дома. И теперь ходила, психуя, из угла в угол, поджидая дружка-любовника. С ним она стакнулась неделю назад, возле оперного. У него было на руках два билета, а она ловила желающего поделиться лишним билетиком. Она хотела купить, но он решительно стал возражать: сказал, что ему будет приятно сидеть на постановке с такой милой женщиной; что он просто дарит лишний билетик. Там, в театре разговорились. Обоих потянуло к друг другу. Оба были примерно одного возраста. Оба изголодались по дружбе. Он ей понравился, потому что высок и строен (мужик, что надо, – кровь с молоком); потому что подчеркнуто деликатен и уважителен к ней. А она ему? Кажется, – тоже. Немудрено: женщина, несмотря на свои тридцать, хороша собой. Особенно большие серые глаза и огромные две русые косы, спускающиеся ниже поясицы. Ей говорили подружки, завистливо глядя на косы, что, мол, ее время прошло для ношения кос, что пора сменить прическу, что короткие волосы ей больше к лицу. Она слушала, согласно кивала, но не собиралась следовать их советам. Она – молодилась. Она понимала, что ее косы – краса и гордость; что именно на них чаще всего заглядываются мужчины. Им, мужчинам, изрядно поднадоел всеобщий перманент или химзавивка.

Она также понимала, что глаза и косы – достоинства не единственные. Тело, например. Да, в войну была страшной худышкой, как говорится, кожа да кости. Но потом постепенно, как только мирная жизнь стала налаживаться, появились милые сердцу мужчин округлости.

Короче, все при ней. Но, тем не менее, была страшно одинока. В личной жизни сразу у нее не заладилось. В сорок первом она любила и была любима. Ей тогда было восемнадцать. Она готовилась к сдаче госэкзаменов за десятилетку. У нее был парень, на три года старше ее. Но в июне началось. Парень решил идти на войну добровольцем, хотя и имел «бронь», так как работал все на том же заводе – «три тройки». Добившись своего, понимая, что может не вернуться с войны, парень настоял, чтобы они сходили в районный отдел ЗАГСа и официально оформили брак. После получения свидетельства о браке прошло четыре дня, и ее муж ушел на фронт. Ушел и не вернулся: за год до окончания войны его подстрелили в Западной Украине бандеровцы.

Естественно, горевала, получив похоронку. Но – время лечит. Однако, судя по всему, все-таки не до конца. Потому что ее первая любовь по-прежнему не давала ей возможности наладить личную жизнь. Потому что Ольга каждый раз, познакомившись с мужчиной, невольно сравнивала его с любимым Николенькой. Сравнения обычно не в пользу новых знакомых.

Этот, нынешний, вроде бы во всем ей пришелся по душе. Конечно, неделя знакомства – не то время, чтобы хорошо узнать человека. Но она сразу отметила: с ним ей очень хорошо, впервые, можно сказать, после смерти Николеньки. Хорошо ей и в постели, когда занимаются любовью. Полная гармония.

После окончания спектакля новый знакомый пошел ее провожать. Да так и остался у нее. Ее однокомнатная квартира находится в городке чекистов. Она получила эту квартиру в сорок шестом, как вдова фронтовика, погибшего за Родину. Сейчас, находясь одна, Ольга вновь размечталась. Мечты прервал звонок в дверь. Она рванулась в прихожую и распахнула дверь. Пришел он. Она хотела выговорить ему за долгое отсутствие, но раздражение сдержала. Бросившись на грудь, жарко расцеловала. Он легонько отстранил Ольгу и стал снимать обувь. Поставив туфли на место, прошел в туалет и стал умываться.

Ольга заглянула к нему.

– Ужинать будешь? Или, может, сразу в постель?
– Нет уж, – возразил, отфыркиваясь от воды, он. – Для начала лучше – подкрепиться, а там – посмотрим, будем действовать по обстоятельствам.

Ольга ушла на кухню. А вскоре появился там и он.

– Разогреваю макароны по-флотски... Будешь?

– Это, значит, отварные макароны с мясным фаршем? – спросил он.

– А ты разве никогда не ел?

– Нет, еще не пробовал. Но слышал, что должно быть очень вкусно.

– Ты меня удивляешь: это блюдо в меню любой послевоенной чайной или кафе.

– Я знаю. Но не довелось как-то брать.

– Жаль.

– Это еще почему, Олюсенька?

– Не с чем будет сравнить, не сможешь сказать, где вкуснее, – у меня или в столовке.

– Не огорчайся, милая, – он подошел к ней сзади и крепко прижал к себе. – Я и так знаю, что у тебя будет намного отменнее, потому что приготовлено твоими ручками, – он чмокнул ее в шею и, отойдя, сел на табуретку, придвинутую к столу.

Она задрожала. Ее всегда и сразу бросало в дрожь, а ноги от сладкой истомы подкашивались, когда он к ней прикасался, – губами, телом или руками. Он ел, а она, сидя напротив, с удовольствием наблюдала, как он это делает. Она видела, что макароны по-флотски ему действительно понравились.

– Вася, – обратилась она к нему, но тот почему-то, очевидно, увлекшись едой, не про-реагировал.

– Вася, – вновь повторила она.

– А? Что? Ты ко мне?

– К кому же еще-то? Кроме тебя, здесь, кажется, никого больше нет.

– Извини, Олюсенька, задумался.

– Странно, но я не первый раз замечаю, что ты как-то не совсем привычно реагируешь на свое имя – так, как будто оно и не твое. А, вообще, тебя на самом деле Васей зовут? Не обманываешь? Не издеваешься надо мной? Не лапшу ли на уши доверившейся тебе женщине навешиваешь, а?

– Что ты, Олюсенька, как можно?! Не бери себе в голову разные глупости. Я – мужик серьезный и на подобное не пойду, – заметив на себе ее недоверчивый взгляд, спросил. – Не веришь? Можешь паспорт посмотреть. Значит, не доверяешь? Даже обидно.

– У нас говорят: доверяй, но проверяй. Дай-ка, милый, я в паспорт твой (на всякий пожарный) гляну. Сдается, что вовсе и не Вася ты. Да и в смысле твоего нынешнего семейного положения не грех проверить наличие соответствующего штампа.

Он встал, вышел из кухни и тотчас же вернулся с паспортом в руке.

– Вот, смотри, если тебе так интересно, – он сердито бросил перед ней документ.

Она, не смущаясь, взяла, раскрыла и прочитала вслух:

– Томилин Василий Митрофанович... А и верно, – она встала, подошла к нему и, обвиняя шею, легонько прикоснулась губами к его шершавой щеке. – Знаешь, что бы я с тобой сделала, если бы обнаружила неправду?

– Убедилась?

– Да.

– Тогда – верни мне паспорт, – он потянулся за документом, но Ольга отдернула свою руку.

– Нет уж... Надо взглянуть и на штамп.

Он стал ее поддразнивать.

– Отдай, а? Ну, пожалуйста? Ну, почему ты мне не веришь?

– А почему ты вдруг заартачился? Почему не хочешь, чтобы я взглянула на соответствующую страницу? Испугался, да? Не бойсь, бить не буду. Я только вышарю тебя за дверь. Но это для такого, как ты, не страшно, – Ольга явно озорничала. – Быстро найдешь дуру, подобную мне, и она пригреет тебя.

– Не дури, Олюсенька, отдай паспорт.

– Не отдам. Пока не посмотрю, – она стала быстро-быстро перелистывать страницы документа. – Ага, вот! Но здесь нет ничего! – разочарованно воскликнула она.

Он заливисто захохотал.

– А ты что хотела там увидеть?

– Штамп.

– Ну, и как?

Она легонько шлепнула его по спине.

– Издеваешься?!

Он встал, взял ее в охапку и понес в постель.

– Только там тебя и можно успокоить, ревнивица.

– Отпусти, дурень. Куда ты несешь? А чай?

– Чай? После того!

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«В тот вечер всех нас подняли по тревоге. Не знали, но догадывались, что операция по обезвреживанию американского шпиона близится к своему логическому завершению. Прибыв в управление, я узнал, что не кто-нибудь, а именно он, капитан Шестаков, сделал то, что должны были сделать мы, если бы, конечно, нам повезло. Значит, не судьба. Впрочем, так случится в период моей долгой службы еще много раз. Работают над операцией десятки, а то и сотни, людей, но удача подстерегает лишь одного. Хотя в том случае все очень правильно: он, Шестаков, как говорится, опростоволосился в первый раз, а вот во второй раз должен был доказать, что он не потерянный человек для органов; что в том случае была обычная случайная оплошность, от которой никто не застрахован – никто (подчеркну особо) из работающих».

Генерал Чернышев, сопровождаемый своим помощником Некрасовым, стремительно вошел в управление, поднялся на второй этаж, повернул налево. Возле дверей своего кабинета увидел группу офицеров. Поздоровавшись кивком со всеми сразу, он прошел к себе. Первым пригласил подполковника Савельева. Тот коротко и без каких-либо эмоций доложил ситуацию, которая складывается на данный час. Генерал выслушал молча, и, казалось, не слушал доклад, а думал о чем-то своем. Закончив сообщение, Савельев замолчал, ожидая либо вопросов, либо приказаний.

Генерал, с минуту помолчав, выдержав паузу, спросил:

– Где в данную минуту?

– Пять минут назад звонил старший лейтенант Игнатов, сообщил, что он в квартире своей знакомой. Судя по всему, будет там ночевать.

– Будет там ночевать или где-то еще – следить бдительно, не оставлять без присмотра дверь квартиры и балкон ни на минуту.

– Но я, товарищ генерал, подготовил все для захвата. Операцию считаем целесообразным начать в половине четвертого утра, тогда, когда особенно крепко спится.

– Он ничего не заподозрил? Как считают оперативники? Как он ведет себя? Спокойно?

– Так точно, товарищ генерал, абсолютно спокойно.

– Это лишь значит, что ночь пройдет спокойно... Хорошо... А там...

– Товарищ генерал, вы ничего мне не сказали в отношении плана по захвату парашютиста. Вы даете «добро»?

Генерал недовольно поморщился.

– Вам бы только хватать, – он встал, подошел к угловому столику, налил из графина полстакана воды и сделал несколько глотков, потом вернулся на свое место. – Захвата не будет – ни сегодня, ни завтра, то есть никогда.

– Я что-то вас не понимаю, товарищ генерал... Впрочем, я готов дать отбой.

– Да, будь добр, дай отбой, подполковник.

– Слушаюсь... Разрешите идти?

– Зачем же? Попроси зайти всех руководителей оперативных групп... для инструктажа. Естественно, твое присутствие также обязательно.

– Слушаюсь, – Савельев направился к выходу, но уже у дверей остановился, повернулся лицом и спросил. – Товарищ генерал, разрешите обратиться?

– Что еще, подполковник?

– Может... и вместе с другими Шестакова пригласить?

– А он сейчас где?

– Здесь.

– Но я его возле кабинета, среди собравшихся не видел.

– Он – внизу, в моем кабинете сидит.

– Так... Умен, мерзавец, находчив. Впрочем, школа-то какая – фронтовая. Он и там разведчиком был классным. Ни разу не подвел. Я с ним от стен Сталинграда дошел до Вены... Ну, и сукин же сын он!.. Пусть вместе со всеми заходит... Отругал при всех. Значит, и поблагодарить за службу должен также при всех... Да... Он как? Нормально чувствует себя, подполковник?

– Вы насчет трех стаканов портвейна, товарищ генерал?

– Именно!

– Как огурчик.

– Приятно слышать. Впрочем, и не удивительно. Разве фронтовика можно «подкосить» каким-то портвейном? Спиртом – другое дело. А портвейном... тьфу, гадость-то какая. А ты, подполковник, как?

– Я, товарищ генерал? «Чернила» употреблять – последнее дело. Вот, если водочки да нашенской, русской, светленькой – с превеликим удовольствием.

Шифровка в Москву из УМГБ:

«Направляя наш план дальнейших действий в отношении объекта „Z“, прошу срочно сообщить ваше мнение. При получении вашего одобрения, приступаем к операции. Чистоту ее проведения гарантирую. Генерал Чернышев».

Часть 6

В понедельник, когда часы на вахте показывали четверть десятого, в учреждение на Вайнера, 4 вошла с авоськой в руке молодая и очень привлекательная женщина. Дежурный сержант это сразу отметил. Он встал и спросил:

– Гражданка, вы к кому? По какому делу?

– По делу, как мне кажется, очень важному. А вот кому рассказать – даже и не знаю. Могу и вам, но... Лучше бы – самому главному.

– «Самому главному», скорее всего, не получится. А вот дежурный офицер... Одну минуточку, – сержант стал набирать номер, и вскоре на том конце провода ответили. – Товарищ капитан госбезопасности, тут гражданка пришла... Да, утверждает, что по какому-то важному делу хочет сделать какое-то заявление... Слушаюсь... Понятно... Хорошо, – сержант положил трубку. – Сейчас, гражданка, спустится капитан, с ним пройдете, и он выслушает вас... Да, я забыл спросить: может, вам лучше с сотрудником милиции, в райотделении переговорить?

– Нет, что вы, именно мне нужен сотрудник госбезопасности... Я, конечно, точно не знаю, но мне так кажется.

В это время появился молодой человек в штатском.

– Вот, – сержант кивком указал на женщину.

– Пройдемте со мной, гражданка, – сказал молодой человек в штатском.

Войдя в свой кабинет, молодой человек придвинул к письменному столу мягкий стул, отстоявший далеко, и пригласил женщину присесть. Только после нее присел за столом и он.

– Слушаю вас, Ольга Ивановна...

– Простите, разве мы с вами когда-то встречались? Откуда вы меня знаете?

Емлина, а это была именно она, была потрясена, что первый же встретивший сотрудник госбезопасности ее, оказывается, знает и называет по имени и отчеству.

– Ольга Ивановна, – мягко сказал молодой человек, – служба у меня такая, чтобы знать людей. Особенно, если они работают на оборонном заводе. А, кроме того, мы с вами живем в городке чекистов. Только мой дом стоит параллельно улице Луначарского, а ваш рядом, но перпендикулярно.

– Никогда бы не подумала, что обо мне здесь знают.

– Напрасно. Наши органы для того и существуют, чтобы знать о людях многое... Извините, но давайте на этом ваше любопытство, то есть задавание вопросов, прекратим. Мы не любим отвечать на вопросы. Мы любим спрашивать и слушать ответы. Итак, я готов слушать. Рассказывайте, зачем пришли, что вас привело?

– Понимаете, не знаю с чего начать, – женщина замялась.

– Кстати, я вам не представился. Извините. Я – капитан госбезопасности Некрасов, помощник начальника УМГБ... А начните, советуя, с самого начала.

– Чуть больше недели назад... Извините, я молодая и одинокая женщина, так что...

– Вы не смущайтесь. Рассказывайте все, что считаете нужным. Дальше этого учреждения ваш рассказ не выйдет. Будьте спокойны.

– У оперного, перед самым началом спектакля познакомилась с молодым мужчиной. Я, конечно, хотела купить его лишний билетик, но он отказался взять деньги... Мы познакомились... Он проводил меня до дома и остался... С того вечера он живет у меня.

– Вы вдова, уже много лет. В чем проблема? Разве вы не вправе проводить личное время так, как вам хочется, с кем хочется? Надеюсь, ваш приятель холост? Но даже если и нет, то и в этом случае это нашего ведомства не касается.

Емлина вновь отметила, но теперь про себя, что здесь ее хорошо знают.

- Я тоже так считала. Но лишь до вчерашнего вечера...
- Что же случилось вчера вечером?
- Собственно говоря, ничего особенного... Просто – мне кое-что в новом знакомом показалось странным...
- И что же именно?
- Иногда... Иногда он как-то непривычно для меня реагирует на свое имя... Вы меня понимаете?
- Пока – не совсем.
- Обычно – Вася, Вася, Вася – и он нормально. Но иногда вдруг он перестает реагировать. У меня появляется ощущение, что он забывается, утрачивает бдительность; что это и не его настоящее имя.
- Поясните, пожалуйста: вы подозреваете, что вашего нового знакомого зовут не Васей?
- Да.
- А вы бы взяли и проверили его паспорт: в конце концов, нет в этом ничего особенного. Он проживает у вас, и вы должны знать, кто у вас проживает, пусть и временно.
- Вчера вечером я так и сделала. Но... По паспорту получается, что он Вася... Василий Митрофанович Томилин.
- Вот видите, ваши подозрения оказались напрасными...
- Если бы это было так, то я бы к вам не пришла. Мне почему-то кажется, что паспорт не его; что он не тот человек, за кого себя выдает. Во всяком случае, он – не Василий. Но если не Василий, то кто же? И почему в паспорте стоит имя Василий?
- Успокойтесь, мы вашу информацию приняли к сведению и...
- Но это не все, товарищ капитан!
- А что еще?
- Сегодня под утро он во сне сначала что-то нечленораздельное бормотал, чем и разбудил меня, но потом очень внятно (знаете ведь, как подчиненный военный разговаривает с вышестоящим?) сказал три слова: «Будет исполнено, господин сержант!» То, что сержант, – понятно: отголоски войны. Но почему «господин»?!
- У вас все, Ольга Ивановна?
- Да. Извините меня. Я, наверное, пришла и кажусь вам вздорной бабой. Вот, мол, пришла в такое солидное учреждение с какими-то женскими глупостями. Но я считала своим долгом сообщить о своих подозрениях. Тем более, как вы сами подметили, я работаю на оборонном заводе. И интерес его мог быть продиктован не столько интимной стороной, а еще чем-то другим. Мне показалось, что он не случайно познакомился со мной.
- Вам не за что извиняться, Ольга Ивановна. Вы пришли далеко не с глупостями... Сожалею, что большего сказать не могу, не имею права. Вы успокойтесь. Постарайтесь и дальше вести себя с вашим знакомым Васей так, как будто вы ни в чем его не подозреваете. Хорошо? И, главное, ни в коем случае, ни при каких условиях никому, тем более вашему Васе, не говорите, что были у нас. Договорились?
- Да... Но в течение всей нашей встречи, товарищ капитан, меня не покидало ощущение, что вы о моем приятеле знаете... Это верно? Я не ошиблась?
- Извините, Ольга Ивановна, но ни на один ваш вопрос ответить не могу. Я уже вам сказал.
- Ну, – Емлина встала и направилась к выходу, – я пошла.
- Одну секунду, я вас провожу.
- Я выход, товарищ капитан, сама найду.
- Но вас не выпустят.
- Почему? Я пришла к вам добровольно, уйду от вас также добровольно.

– Но у нас так бывает не всегда: человек приходит иной раз добровольно, но уходит уже в наручниках. Так что... положено в вашем случае вас проводить.

Они вышли из кабинета вместе. Подойдя к вахте, тот же сержант встал и спросил:

– Все в порядке, товарищ капитан?

– Да. Гражданка может быть свободна.

Сержант вышел из своей будки и проводил до выходных дверей женщину. И, даже, открыл перед ней дверь.

Шифротелеграмма из Москвы в УМГБ Свердловской области:

«Действуйте, как считаете нужным. Но за провал операции – отвечаете головой. Генерал Троицкий».

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Должен заметить, что тогда умели хранить и охранять секреты. Тем более, когда речь шла о таком объекте, как так называемый лагерь „100“. К ним, к таким объектам, естественно, было привлечено самое пристальное внимание западных спецслужб, которые, не жалея средств, готовили все новых и новых агентов и внедряли на территории нашей области. Работенки хватало нашим чекистам. Можно сказать, с лихвой. Работали они хорошо, поэтому у спецслужб то и дело возникали проблемы, связанные с оборонными объектами Урала. Да, агентура пользовалась и слухами, однако их хозяева требовали, чтобы любой слух затем был подтвержден достоверной информацией. За поставляемую „дезу“ с агентов строго спрашивали и наказывали. Долларом, конечно. А, иногда, и головой».

Генерал Чернышев спустился вниз, к оперативным дежурным, что он делал крайне редко. И этим самым привел в настоящее смятение всех находившихся там. При его появлении все вскочили со своих мест и застыли по стойке «Смирно!» Они не знали, чего ждать, – благодарности, что маловероятно, или хорошего нагоняя, что может стать гораздо ближе к истине.

– Вольно, товарищи офицеры. И продолжайте работать, не обращая внимания на меня.

Все сели на свои места. А он прошел к столу старшего оперативного дежурного Савельева. Тот вскочил снова, но рукой генерал приказал сидеть.

– Как обстановка, подполковник?

– По области, товарищ генерал, обстановка нормальная: за текущие сутки не зарегистрировано ни одного убийства. Также нет ни одного преступления из категории тяжких.

– Но я, подполковник, не об этом. Я – о ситуации вокруг нашего подопечного.

– Там – согласно плану, товарищ генерал. Все идет нормально. Группы, сменяя друг друга, все время у него на «хвосте». Согласно вашей инструкции, оперативники не скрывают, что контролируют каждый его шаг. Со вчерашнего вечера в квартиру Емлиной не возвращается. Мечется по городу – днем и ночью. Он, судя по поведению, понимает, что находится фактически в наших руках. Но чего не понимает, так того, почему мы, не спуская с него глаз, не идем на задержание. Если судить по докладам руководителей оперативных групп, то он занервничал, психологически подавлен постоянным столь явным нашим присутствием. Догадывается, что его товарищ, второй парашютист завалился и уже не придет на явку. Очевидно, поэтому и не стал получать предназначенный ему перевод, а решился обратиться к родителям за помощью. Разрешите, товарищ генерал, – Савельев замялся, очевидно, не решаясь задать мучивший его вопрос.

– Что такое, подполковник?

– А мы не рискуем, товарищ генерал?

– Ты о чем?

– Может сломаться и решиться на самый крайний шаг – на самоликвидацию.

– Согласен, риск есть, подполковник. Однако мой опыт подсказывает, что он – на пределе. И вот-вот, в самом деле, сломается... Но не в смысле самоликвидации, а в смысле явки

к нам с повинной. Чего, собственно, я и добиваюсь. Психологически подавленный враг – вовсе уже и не враг наш, а больше – союзник, возможный помощник.

– Значит...

– Это значит, подполковник, что игра кошки с мышкой продолжается. Пусть круглосуточно мышка видит, что она в когтях кошки, но кошка кушать ее, мышку, не собирается. Пусть по-прежнему наши люди откровенно мозолят ему глаза своим постоянным присутствием – на вокзале, возле билетной кассы; в чайной, когда зайдет перекусить; в сквере, когда решит передохнуть на лавочке; в трамвае, если куда-то поедет... Короче – везде и всюду рядом должен быть наш человек, в форме МГБ и в штатском. Затравленный зверек либо станет огрызаться и тогда станем брать, либо сам, видя безвыходность положения, придет к нам. Предпочтительнее – второй вариант. Хуже, если попытается скрыться за пределами области и станет отрываться от надоевшего до смерти «хвоста». В таком случае, как ни при-
скорбно, придется брать и самым решительным образом... Подполковник, ваш генерал – большой оптимист и всегда рассчитывает на лучшее... Подождем... У нас и у него время еще есть... Так что игра продолжается...

В это время в дежурную часть вбежал запыхавшийся помощник.

– Куда торопимся, капитан? – с явными шутливыми нотками в голосе спросил Некрасова генерал. Все присутствующие заулыбались, так как все поняли, что Чернышев находится в отличном настроении и чистки мозгов не предвидится.

– Товарищ генерал, на проводе – первый секретарь обкома партии Кириленко и хотел бы с вами лично переговорить... Переговорить сейчас же!

– Хорошо, капитан. Сейчас – поднимусь к себе и переговорю. Нет проблем.

– Мне пойти и сказать, чтобы подождали на проводе?

– Иди, капитан, и скажи, что я вот-вот буду.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Некрасов вышел, а генерал вновь обратился к Савельеву:

– Тебе все ясно, подполковник?

– Так точно, товарищ генерал!

– А что именно тебе «ясно»?

– По-прежнему сидеть на «хвосте», по-прежнему плотно опекать, то есть мурыжить...

И ждать кризиса.

– Молодец, подполковник. Ты все очень правильно понял. А это означает одно – я могу быть спокойным за успех операции, – и уже на выходе из дежурной части, обращаясь ко всем присутствующим, генерал добавил. – Всего наилучшего, товарищи офицеры, успехов вам. И еще: не надо так уж бояться начальства; оно, начальство, тоже иногда бывает с человеческим лицом.

Офицеры были не лишены чувства юмора, поэтому на шутку генерала прореагировали правильно. Хотя не переставали помнить крылатую фразу из произведения Грибоедова: избави пуще всех печалей – и барский гнев, и барскую любовь.

Часть 7

Шифротелеграмма из Москвы в УМГБ Свердловской области:

«Установлено, что объект „Z“ имеет при себе паспорт советского образца на имя Томилина Василия Митрофановича, жившего до войны в селе Светлояр Тамбовской области. Паспорт подлинный, не фальшивка. Паспорт выписан Крутихинским райотделом НКВД Тамбовской области в сорок шестом, после войны и был переправлен на Запад. Паспорт выписан, как показала проверка, на основании красноармейской книжки красноармейца Томилина Василия Митрофановича, который в сорок четвертом году погиб в Белоруссии и там же похоронен в братской могиле. Каким образом красноармейская книжка погибшего оказалась во вражеских руках – пока не установлено. Генерал Троицкий».

Чернышев поднялся к себе, на второй этаж, вошел в кабинет, подошел к своему столу и взял лежащую телефонную трубку.

– Здравия желаю, Андрей Павлович! Простите, что заставил ждать. Спускался к оперативному дежурному, интересовался обстановкой... Доложить?.. Понял, докладываю... За прошлые и текущие сутки ситуация с преступностью в области под контролем. Ни одного серьезного происшествия не зарегистрировано... Вы правильно поняли: все нормально... Что?.. Понимаете... Дайте же мне сказать, Андрей Павлович... Вам Москва сообщила?.. Странно... Я не думал, что это представляет интерес для первого секретаря обкома партии... Не спорю... Согласен с вами, что вы хозяин области и что вы... Поймите меня правильно, но я собирался доложить после завершения операции, а пока и докладывать, собственно, нечего... Я вас, Андрей Павлович, прекрасно понимаю, но и вы меня должны понять: речь идет о материалах совершенно секретных... То есть?.. Да что вы, Андрей Павлович, я не вправе вам не доверять... Вы не так меня поняли... Да?.. Вот даже как!.. Нет и нет!.. Что?.. Повторяю, нет!.. С погонями и звездой на них?.. Пока все в порядке, а там – видно будет. Все под Богом ходим... Хорошо, в двух словах история такова: на территории Западной Украины выброшены два парашютиста. Один провалился там же, на месте, второй успешно скрылся, и направился выполнять задание к нам, в Свердловскую область... Цель?.. Сбор разведывательных данных об оборонных объектах, прежде всего о лагере «100»... Где он сейчас?.. Чем занимается?.. Мы сидим у него на хвосте... Он?.. Мы и не скрываем... да-да... Никуда не денется... Почему не берем?.. Считаем рано еще... Москва говорит, что мы заигрались?.. Не знаю... План действий одобрен Москвой... Никаких других указаний не поступало... Обманиваю? Вас, Андрей Павлович?! Это какое-то досадное недоразумение и не более того... Перед партией я чист: ни до войны, ни во время войны, ни сейчас, после войны у меня в мыслях не было, чтобы обманывать партию... Простите, еще раз повторю: досадное недоразумение... Обязательно, Андрей Павлович... Непременно доложу по завершении операции... Лично прибуду и доложу во всех подробностях... Что?.. Я такого же мнения: обком партии должен знать обо всем, что происходит в Свердловской области... Сомневаетесь?.. Напрасно: я не давал повода для недоверия... Да-да, я очень дорожу партбилетом... Его пронес в нагрудном кармане всю войну... Сейчас совсем не намерен с ним расставаться... Еще раз извините за недоразумение... Спасибо... Вам также желаю здравствовать... Всего наилучшего... Да... до встречи...

Чернышев положил трубку и нервно заходил по кабинету. Прежнего благодушия как не бывало. Он ходил и рассуждал вслух:

– Кто, кому это надо? Зачем Москве стравливать меня с Первым? Явно кто-то подсунил искаженную информацию. Ради какой цели? Москве ли не знать, что я выполняю в этом деле только их указания? Москве ли сомневаться в моей партийности? Кириленко ли подозревать меня? Невероятно! Идет какая-то подковерная борьба за власть, а я? Опять же край-

ний. Кто бы из них не вышел победителем в подковерной схватке – я обязательно и в любом случае буду проигравшим... Как всегда, неким мальчиком для битья! – он схватил фуражку, надел и пошел к выходу. – Поеду-ка я в обком, похожу по кабинетам, попробую разузнать, что да как; почему и из-за чего товарищ Кириленко так сердит; кто за этим стоит. Это так оставлять нельзя. Завотделом административных органов – старый друг. Уж он-то не станет финтить... уверен!

Он спустился на первый этаж. Подскочил дежурный офицер.

– Подать машину, товарищ генерал?

– Спасибо, не надо. До обкома партии по прямой – полкилометра... Своим ходом доберусь. Говорят, полезны пешие прогулки. А как ты считаешь?

– Точно так, товарищ генерал! – ответил офицер и заулыбался.

– Чему радуешься?

– У вас, товарищ генерал, хорошее настроение.

– Фи, – кисло усмехнулся генерал уже на выходе. – Тоже мне физиономист... Угадал...

Как пальцем в небо... Было хорошее настроение, теперь, увы... Подгадили...

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Парашютист, за которым велась абсолютно открыто круглосуточная слежка, понимая, что находится в полной власти чекистов, обложен кругом, как дикий зверь, вырваться из кольца не мог. Участвуя в этой, как мне тогда казалось, необъяснимой операции, противоречащей логике молодого опера, не мог до конца понять смысл устроенного спектакля. Вот уже три дня мы знаем, где он обедает, и что предпочитает на завтрак; на какой скамейке сквера дремлет в предрассветные часы; сколько раз подходил за день к билетной кассе железнодорожного вокзала и в каком направлении брал билеты; какую газированную воду предпочитает брать у лотошниц... Знаем, видим, таскаемся за ним по пятам, но не берем. Почему? Хотим узнать явочные квартиры, пароли, место хранения шпионской амуниции? Но он ни в какую не выходит ни с кем на связь, а, во-вторых, мы уже поняли, что все свое он носит с собой, не оставляя без присмотра ни на минуту. Только значительно позднее я понял до конца тогдашний план генерала...

Это было, если я не ошибаюсь, в среду, ближе к вечеру, точнее – около четырех. Я и мой напарник вот уже три битых часа печемся на июльской жаре (июль в тот год выдался, как сейчас помню, чрезвычайно жарким, когда за тридцать один день на землю не выпало ни капли дождя, когда столбик термометра не опускался ниже тридцати градусов), обливаясь потом, следуем за парашютистом, как няньки за маленьким барчуком. Измотанные и злые, все время держа дистанцию, то есть, не входя в прямое соприкосновение (это было запрещено данной нам инструкцией), мы с нетерпением поглядывали на наручные часы, ожидая той благословенной минуты, когда эстафету от нас примут другие.

Но что это? Наш подопечный, сидевший на скамеечке, возле кинотеатра «Урал», стремительно встал и быстрым шагом направился по улице Свердлова в сторону железнодорожного вокзала. Судя по тому, как он шел (обычно он ходил медленно, часами разглядывая витрины магазинов), мне показалось, что он принял какое-то решение. На пересечении улиц Свердлова и Азина он чуть не попал под колеса «полуторки». Водитель высунулся из кабины и, матерясь почему зря, погрозил ему кулаком.

Парашютист не реагировал. Я посчитал, что он может предпринять какие-то неординарные шаги, поэтому сказал напарнику, чтобы тот с ближайшего телефона-автомата связался со штабом и сообщил, куда направляется наш объект. Чтобы были ко всему готовы наши люди на вокзале. К любому развитию событий. А он, тем временем, поравнявшись со зданием, где располагалось тогда шестое отделение милиции, остановился, потоптался в нерешительности и юркнул внутрь. Зачем? Что ему там понадобилось? Что еще он надумал? Я находился в некоторой растерянности. Войти и нам? Но правильно ли?

Решил не входить, но предупредить начальство. Напарник убежал звонить, а я остался дежурить у входа в шестое отделение милиции».

В отделение милиции вошел мужчина. Огляделся по сторонам. Увидев дежурного сержанта с повязкой на рукаве, подошел к нему. Он хотел что-то спросить того, но сержант довольно грубо опередил.

– Ты к кому? По какому вопросу?

– Товарищ... мне ваш начальник нужен... капитан Шестаков... Он у себя?

Сержант почему-то расхохотался.

– Ты, мужик, опоздал. У нас теперь другой начальник.

– А... что же...

– С Шестаковым, что ли?

– Д-да.

– Ничего серьезного. Выперли его из начальников... А тебе, собственно, кто нужен – начальник или только персонально Шестаков?

– Мне бы лучше с ним, но...

– Нет проблем, мужик. Можешь и с ним. Поднимись на второй этаж, поверни направо, справа третья дверь. Там увидишь...

– Он, что...

– Он теперь, мужик, в замах ходит.

– Понятно... Так мне можно?

– Иди... Нет, постой-ка, мужик, – сержант грубо взял его за рукав и стал внимательно вглядываться. – Что-то мне лицо твое слишком знакомо... Встречались? Где?

– Не помню. Правда, вы, товарищ, могли меня видеть недавно... Я сюда приходил... И тоже к Шестакову... Мы с ним давние приятели, еще со школы.

– Приятели? – переспросил сержант. – Что за околесицу несешь? Разве приятель мог не знать, что с ним приключилось?

– Я в командировке долго был. Только что вернулся, поэтому и не знаю ничего.

– Ладно, иди, если так. То-то, гляжу, – лицо знакомое.

Сержант отвернулся, а мужик поднялся на второй этаж и постучал в дверь кабинета. И тотчас же услышал:

– Да, входите!

Отворив дверь, вошел. Шестаков, сидя вполоборота к нему, поднял глаза на вошедшего. Их взгляды встретились.

– Вот и я, капитан, – просто и буднично сказал вошедший.

Шестаков нисколько не удивился или, может, лишь сделал вид, что не удивился.

– Очень рад еще одной встрече... Зачем теперь? Снова какую-нибудь доверенность заверить?

– Давай, не будем, капитан. Ты знаешь, кто я. Ты также знаешь, и зачем я здесь... Так что не стоит друг друга водить за нос... Вы измотали меня своими дьявольскими манерами работать с клиентурой.

– Измотали, говоришь? Устал? Тогда – присаживайся. Правда, я должен поправить вас, гражданин... Как вас там?

– Томилин Василий Митрофанович...

– Так вот, гражданин Томилин, я вас не мог «измотать», так как вы – не по моему ведомству.

– Все вы из одного ведомства... Ладно, я пришел не дискуссии вести... Бери меня... Знаешь, где все эти люди, что на хвосте сидят? В печенках! Мне кажется, что их рожи еще с год будут во сне приходить.

– Конечно, это дело не мое, но все же скажи, почему не стал выходить на агентурную сеть? Ведь в твоём положении...

– Как раз именно в моём положении этого делать не следовало, капитан. Скажи, зачем еще и агентуру заваливать? Впрочем, я никакой агентуры не знаю и ничего тебе, капитан, не говорил.

– Не тревожься понапрасну. С тобой будут работать настоящие спецы. Не из уголовки. Так что готовься.

Томилин неожиданно спросил:

– У тебя, капитан, проблемы... по службе? Из-за меня?.. Очень жаль...

– Пожалел волк кобылу – оставил хвост да гриву.

– Не веришь? А зря. Я ведь тоже человек... Понимаешь, капитан, за эти последние дни я многое передумал... было время... Меня готовили, но я оказался не готов к чекистским изощрениям подобного рода... Да, я подвел своих хозяев. При провале я обязан был покончить с собой... пытался... Несколько раз... Вроде, что тут трудного... Вот так, взял в рот лацкан пиджака, раз...

В этот момент в кабинет ворвались трое в штатском. Действительно, раз и парашютист на полу. Оторвав лацкан, ему позволили встать и сесть.

Томилин, отряхнувшись, сказал:

– Какие все нервные, право... Я лишь хотел показать, как это делается. Неужели эти люди, капитан, подумали, что собираюсь самоликвидироваться? Я это мог сделать десятки раз... Силы воли не хватило. Оказывается, очень непросто лишить себя жизни, капитан. Я даже и не подозревал... В детстве, в школе учителя внушали, что самоубийство – это слабость. Нет, не слабость, а большое человеческое мужество... Я, вот, им не обладаю... Жить хочу... И очень! – он повернулся к стоявшим у него за спиной и следившим за каждым его движением. – Судя по манерам, вы и есть те самые, с кем мне надлежит в дальнейшем общаться... Если верить первому впечатлению, то я могу твердо заявить: попал в надежные руки! Люблю, знаете ли, иметь дело с профессионалами, или, как недавно выразился капитан, со спецами.

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Прошло, наверное, с полчаса. Мы по-прежнему сторожили у входа в отделение милиции. Мы видели, как подъехала светло-серая «Победа» и из нее выскочили трое в штатском и устремились внутрь здания. Мне не требовалось объяснять, кто это и зачем приехали. Спустя совсем немного времени, появился наш подопечный, справа и слева стиснутый дюжими молодцами в штатском. Когда его усаживали на заднее сидение машины, я обратил внимание на оторванный лацкан пиджака у нашего подопечного и на его несколько помятый вид. Во всем же остальном – он оставался прежним – самоуверенным, несмотря на психологическое воздействие, решительным. То есть, по-прежнему палец в рот ему лучше не класть. Что и говорить, западные спецслужбы своих людей готовить умеют. Школа!

Так вот и закончилась (во всяком случае, для меня) та давняя операция по обезвреживанию заброшенного шпиона, доставившего столько хлопот не только чекистам, но и нам, милиционерам».

Шифротелеграмма в Москву из УМГБ Свердловской области:

«Докладываю: объект „Z“ сам явился в органы. Дает признательные показания. Готов к сотрудничеству. Не против участвовать в радиоигре. Жду указаний. Генерал Чернышев».

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Потом, по некоторым доходившим до меня отрывочным сведениям, я знал, что парашютист был задействован в организованной радиоигре с его хозяевами, благодаря чему

удалось заманить на Урал еще нескольких шпионов, которые также были взяты нашими органами, теперь уже – без каких-либо хлопот. Благодаря сотрудничеству, парашютист был осужден сравнительно на небольшой срок – на двенадцать лет лагерей. Отбывал срок в одном из спецлагерей нашей области. По отбытии наказания – осел в Свердловске.

В 1990—1991 годах я случайно увидел показываемый по телевизору митинг. Один из выступавших правозащитников мне показался очень, ну, о-че-нь знакомым, хотя и прошло столько лет. Выступал благообразный старичок, который на своем примере показывал всем собравшимся всю жестокость и бесчеловечность «сталинской карательной машины» и требовал реабилитации всех ее жертв. Он имел в виду и себя. Откуда было знать митингующим, при каких обстоятельствах этот правозащитник оказался в сталинских лагерях? Эта жертва политических репрессий выглядела убедительно и сорвала кучу аплодисментов. Правда, насколько мне известно, он не был реабилитирован. Но это неважно: человек стал политиком областного масштаба. Престарелым политиком, но все же... Политиком, за плечами которого срок за попытку шпионажа в пользу ЦРУ, срок, который к политике тогда не имел абсолютно никакого отношения.

Несколько слов о дальнейшей судьбе завербованных и законсервированных Черемисове и Серегиной. Оба еще несколько лет жили и не подозревали, что каждый их шаг фиксирует госбезопасность.

Насколько мне известно, спустя год после описанных событий, Черемисов получил от прибывшего оттуда резидента задание, касающееся того же самого объекта, проходившего тогда под кодовым названием «Лагерь – 100». После взятия секретных данных и при попытке их передачи сотруднику американского посольства в Москве был задержан и осужден. Недавно, читая одну из областных газет, случайно наткнулся на эту фамилию. Он по-прежнему живет в Невьянке. Он также слывет жертвой политических репрессий и от этого имиджа имеет определенные дивиденды. Официально, правда, также не реабилитирован. Обижается, как я понял, на нынешнюю власть, говоря, что там засели партноменклатуричики прежнего режима, которые никогда в душе не признают за ним его законные права репрессированного.

Серегина же – давно на пенсии, тихо и мирно доживает свой век. Ее так и не расконсервировали, то есть она так и не получила от ЦРУ никакого задания. По прошествии многих лет Серегину все же пригласили на Вайнера, 4. Там она не стала отпираться и рассказала все, что знала. За давностью лет и по причине того, что фактически она не нанесла реального урона безопасности страны – судить не стали, и уголовное преследование было прекращено.

Похуже, но тоже ничего, с мужем ее, Серегиным А. А. Когда история с женой стала известна в обкоме КПСС, его убрали из редакторов. Хотели исключить из партии (за потерю бдительности), но за него заступились: ограничились выговором без занесения в учетную карточку. Он также давно на пенсии. Ни в какой политике, тем более в спекуляциях, не замечен. Во всяком случае, мне ничего неизвестно. Серегин А. А. знает, что я знаю прошлое его жены. Но мы оба делаем вид, что ничего друг про друга не знаем.

И последнее. Я бы не хотел, чтобы меня поняли неправильно те, кто будут читать мои воспоминания. Я не хотел и не хочу обелять прошлое. Я не хотел и не хочу говорить, как это делают некоторые другие, что не было в природе миллионов жертв политических репрессий. Они были! Но я не хочу, чтобы в рядах (скажу так: в святых рядах) жертв политического ГУЛАГа подвизались личности, не имеющие к этому абсолютно никакого отношения. Я хочу лишь сказать: пережившие ужас сталинских лагерей, жертвы подлинных политических репрессий должны быть поразборчивее, принимая в свои ряды новых членов. Омерзительно, когда правозащитной деятельностью сегодня занимается тот, кто предал Родину, родную землю. Предал не из политических убеждений, а ради спасения собствен-

ной шкуры, ради пухлой пачки американских долларов, меняя хозяев, как перчатки. Надо знать: продавший свою родную землю однажды – продаст ее еще не раз. Продаст сразу, как только станет ему выгодно».

Алые седины

Часть 1

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«То, что Средний Урал – это становой хребет оборонной промышленности страны, тогда знали все или, по крайней мере, догадывались. Я, молодой опер, – в том числе. Естественно, западные спецслужбы (особенную активность проявляло ЦРУ) нашу область относили к зоне своих «жизненно важных интересов». Особенно в послевоенный период. Этому есть и объяснение: после окончания Великой Отечественной войны и с началом холодной войны СССР начал интенсивное, коренное перевооружение Красной Армии. А кто, как не мы, уральцы, должны были выковать» новые образцы танков, пушек, а потом и ракет? Ну, а коли так, то западных разведчиков хлебом не корми, но дай порыться в новинках науки и техники своего потенциального противника. Аллен Даллес (тогдашний шеф ЦРУ) не уставал запрашивать у конгресса США для своих неотложных нужд все новые и новые бюджетные вливания».

Майор Кадочников, заместитель начальника УГРО области, чувствовал себя нынешним утром неважнецки: всю прошлую ночь он с группой своих, как он выражался, ребяток просидел в засаде. Ни на минуту не сомкнул глаз. Сейчас вот, то и дело позевывая, с нетерпением поглядывал в окно, где свирепствовала метель, мечтая о той минуте, когда ему можно будет рвануть домой – к жене и детям; когда удастся броситься в кровать и мертвецки заснуть часиков этак на двенадцать – никак не меньше. И пусть попробуют только его разбудить!

Недосыпание – не единственная причина дурного расположения духа, пожалуй, даже и не главная. Он буквально зверел, когда разработанная операция на его глазах лопалась, как мыльный пузырь. Он получил точную информацию, что бандюги (два брата-погодка), за которыми он уже охотится полтора месяца, должны были наведаться к мамаше, живущей в собственном доме в пригороде Свердловска, то есть в поселке Палкино. Все предусмотрел. «Капканы» расставил надежные, ребяток проинструктировал. Всю ночь – на ветру и морозе – просидел в засаде. А те, ради кого он пошел на такие жертвы, не появились. Осечка! Почему? А черт его знает. Возможно, кто-то предупредил о засаде, но где произошла утечка информации? Кадочников не верил в это. Он склонялся к тому, что звериное чутье, интуиция подсказала им об опасности. Он искренне верил в интуицию. Потому что он сам мог предсказать о завтрашней неприятности. И его предсказания обычно сбывались. Не на все сто процентов, ясно, но все же...

Сегодня утром, когда он пришел к шефу с пустыми руками, тот устроил ему настоящую баню. А он? Стоял, виновато разглядывая половицы, и молчал. Понимал, что шеф обрабатывает его совсем не зря. Внутри у него все клокотало, но сдержался. Особенно обидно, так как мылили его и парили, будто пацаненка. Мог бы шеф и прошлые заслуги учесть, помягче с ним обойтись: не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, а лишь ест, спит и в рот начальству усердно заглядывает.

Кадочников чертыхнулся по адресу шефа. Хорошо, что в кабинете никого нет, и никто не сможет передать. У начальства угодников всегда хватает. Наверное, есть они и у него. Однако он их как-то не замечает. Да и не считает он себя начальством, а скорее всего – чернорабочим. За что, кстати, ему также достается. С полгода назад сам генерал Чернышев прилюдно сказал, что Кадочников все хочет делать своими руками и готов лично брать каждого бандита, а ведь в его задачу входит совсем другое: он, Кадочников, не рядовой оперативник; ему надо над стратегией борьбы с уголовным элементом думать, налаживать контроль

за деятельностью подчиненных, иначе говоря, – ру-ко-во-дить. Ты, говорит, майор, кончай с этим... с армейскими замашками; входи в новые условия, перестраивайся на новые рельсы; личная храбрость, говорит, вещь полезная, но и головенкой надо иногда работать. Опять же обиделся, но попробуй-ка возразить генералу! Да и, честно сказать, он прав! Однако ж, обидно все равно!

В таких упреках (так сказать, между строк) он легко прочитывал еще кое-что. Он, Кадочников, скорее всего и получше бы руководил, но, как выражался Чапаев в известном фильме, грамотешки маловато. За его плечами-то всего семь классов. Он и в войну, наверное, пошел бы далеко, подальше, чем командирство взводом полковой разведки, однако с образованием-то – полный конфуз.

Демобилизовавшись и приехав домой, когда вызвали в райком КПСС и сказали, что работать ему, Кадочникову, уже не на ВИЗе, подручным сталевара, как до войны, а в уголовном розыске. Подучили малость. Но что такое трехмесячные курсы? Так... одно баловство. Кто будет спорить: такие курсы – уже кое-что. По крайней мере, он хоть узнал разницу между Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами. Тогда-то, в сорок шестом, начальство хлопало его по плечу и говорило: «Не унывай, мужик. Не в следователи идешь; в твои основные обязанности будет входить другое – пошел, выследил, скрутил, доставил, а тут тебе равных нет». Подслащивали пилюлю-то... Оно так: за четыре года войны двадцать восемь раз переходил линию фронта, и только раз безрезультатно. Во всех других случаях – «язык» был. Однажды даже умудрился пехотного обер-лейтенанта приволочь.

А попозднее ему вообще крупно подфартило: в кустах возле автострады три битых часа сидел он и еще двое разведчиков. Все – ничего. Но потом... Неподалеку остановился роскошный «Опель» и из него, как ошалелый, выскочил фриц и – в придорожные кусты. Видать, крепко прижало. Ну, там он его и взял... прямо за этим делом и со спущенными штанами. При нем черный кожаный портфель. Доставил к своим. Оказалось, майор-фельдъегерь и с секретнейшей почтой. Дошло до командующего фронтом Конева. Конев, значит, приказывает, чтобы он, этот самый фельдъегерь, а при нем младший лейтенант, Кадочников то есть, были доставлены в штаб фронта. Там его, Кадочникова, накормили до отвала, ну, разумеется, поднесли и спиртишку – полную фляжку. Ну, говорит Конев, и силен ты, мужик: надо было сподобиться такого важного нацистского франтика голыми руками взять!

К спирту-то из фляжки не притронулся. Видит Конев, что он бережет драгоценную жидкость-то для товарищей боевых; приказывает адъютанту налить, помимо того, полнехонькую, до краев алюминиевую фронтовую кружку, а в ней – пол-литра, и говорит: пей, солдат! Выпил, конечно. А как же! Нельзя отказываться, когда командующий подносит. Последнее, что он помнить, как его выносили из штаба фронта и укладывали в личный автомобиль командующего. Очухался уже в полку. Приоткрыл остороженько так один глаз, видит, как все на цыпочках ходят, сон, значит, его драгоценный оберегают. Зырк налево – там, сбоку, на постели орден Красного Знамени и орденская книжка лежат. Вот это да, думает про себя, а и не помню, когда товарищ Конев его-то мне вручил. Зырк – налево, а там фляжечка, родимая. «Поди, пустая?» – подумал он. Незаметно для всех тронул рукой. Вот, зараза, – полнехонька!

Как какая-то пружина его подкинула на постели.

– Пьем, мужики! – заорал он. – Маршал Конев жалует!

Выпили... досуха. На троих-то, на разведчиков, маловато показалось. Не пробрало. Так комполка, мужик-то был тоже ничего, из своего НЗ еще чуток добавил по такому случаю спиртишку – еще такую же фляжку. Получилось хорошо. Теперь – в самый раз.

...Расхаживая по кабинету, майор Кадочников недовольно пробурчал:

– Не всем же быть грамотными... Они, грамотные, хлеб-то беленький привыкли кушать... А кому же черняшку потреблять?

Это его любимые аллегории. Он за них цепляется точно также, как утопающий хватается за соломинку. В дверь кабинета кто-то постучал. Кадочников остановился.

– Да-да, входите.

Открылась дверь, и вошел сержант Ивлев. Он – из молодых: два месяца назад окончил Нижнетагильскую школу милиции. Будущий офицер. Аттестован, но документы где-то в Москве подзадержались. Сержант протянул конверт.

– Это – вам, товарищ майор. Просили передать лично в руки.

– Спасибо, сержант. Положи на стол.

Ивлев прошел к столу, положил, повернулся и вышел. Кадочников продолжал стоять на том же месте, пытаясь угадать, что же там, в принесенном конверте? Решил проверить интуицию. Итак, что же она, родненькая говорит – плохое или хорошее? Судя по всему, ни то, ни сё – серединка на половинку, нечто среднее, нейтральное. Он подошел к столу, взял конверт, надорвал, вынул вчетверо сложенный лист, вырванный из школьной тетради, и, с большим трудом разбирая неряшливый почерк, стал читать.

«Майору милиции Кадочникову Н. И.

от внештатного сотрудника уголовного розыска Вайнберга Ильи Иосифовича, носящего кличку «Тихоня»

РАПОРТ

Докладываю о нижеследующем:

а) вчера, то есть 29 января 1953 года, в 20 часов 33 минуты, после закрытия магазина «Светлана» заместитель директора Соловейчик Яков Яковлевич, по предварительному согласованию с товароведом Прошкиной Аллой Демидовной и с ее молчаливого согласия тайно похитил со склада два куса костюмной чисто шерстяной ткани типа «Бостон» темно-серого цвета объемом 50 м каждый;

б) похищенное означенный гражданин, то есть гражданин Соловейчик, лично вынес через служебный выход и погрузил в служебный автомобиль «Победа» бежевого цвета госномер 05—02 СВА и отвез к себе, очевидно, на квартиру;

в) управлял автомобилем при этом он лично сам.

Сообщая о факте злостного расхищения социалистической собственности, я вправе выразить надежду, что расхититель будет наказан по всей строгости советских законов.

К сему!

«Тихоня», то есть ваш информатор и помощник Вайнберг.

P.S. В том случае, если вы, товарищ майор, захотите узнать еще какие-либо подробности, приходите завтра на встречу в штатском. Мы сможем встретиться ровно в 12.25 возле будки «Соки-воды», что на углу Ленина и Пушкина».

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Обыватель часто, когда хотел человека обозвать, унизить называл „сексотом“. А многие ли из них знали, что же обозначает это слово на самом деле? Смело могу сказать: никто или очень мало кто. Сексот, сексот, повторяли мы в быту, не пытаясь расшифровать сокращенное слово. Так вот: „сексот“ – это секретный сотрудник, чаще всего внештатный, иногда – штатный. Скажите, чего тут унижительного в этих двух словах? Ничего! А в деле, которым занимался „сексот“? Тоже не вижу ничего позорного. Скажите, есть ли государство (пусть самое-пресамое демократическое), в котором бы уголовная или тайная полиция не имела своих секретных агентов и не пользовалась поставляемой ими информацией? Нет таких! „Сексоты“ были у нас до революции, после революции, есть они и сейчас и возьму смелость сказать, что ничуть не меньше. Во времена оные были случаи, когда эти самые „сексоты“ сводили какие-то личные счёты, слали наветы, по которым отправляли на Колыму невинных, – все так. Но... Разве меньше было в обществе

анонимов, по писулькам-доносам которых творилось зло. Но они не были „сексотами“! Не „сексоты“ же, заглядывая в замочные скважины, подглядывая за личной жизнью соседа по квартире или товарища по работе, доносили в парткомы, что некий гражданин „Н“ спит с чужой женой?! Совсем не „сексоты“! Ни одна спецслужба, повторю еще раз, никогда не сможет обойтись без информации своих секретных агентов. У нас, конечно, не очень, но на Западе широко практикуется платить за предоставляемую информацию, причем платить хорошо. Попросту говоря, это такая же работа, как и всякая другая. Да, „сексотом“ может стать не каждый. Но точно также не может стать каждый, например, столяром, шофером или летчиком. Ну... это я так... к слову».

Майор Кадочников, прочитав рапорт, недовольно покрутив головой, начал свой монолог:

– Сколько раз говорил, чтобы без этих, завихрений, а он все продолжает и продолжает, – Кадочников хмыкнул. – Под детектива работает, то есть хочет им казаться. Не дитя ведь, а... Хотя сообщения его всегда точны, логичны и, главное, – ладно написаны. Вот только почерк... Не приведи Господь! Не первое донесение читаю, а привыкнуть к его каракулям, ну, вот никак не могу приноровиться.

Он свернул обратно бумажку, всунул в конверт и положил в стол – поглубже и подальше. Он считает, что лучше, если сексота знает кто-то один и постоянно имеет с ним дело. Это, чтобы случайно не засветить его и не подставить под удар. Так что его «Тихоню» знает только он. Даже его шеф не имеет представления об информаторе. Знает, что такой есть, – и ладно. Этого достаточно.

– Жаль, что сообщение не по моей части, – разочарованно произнес вслух Кадочников, – но тем не менее... Надо будет с ним встретиться, порасспросить о деталях, убедиться, что информация – стопроцентной надежности и передать в ОБХСС. Это их «епархия». Пусть пошуруют. Понятно, без нас им не обойтись. Но это в том случае, если попросят помощи. А попросят, – он ухмыльнулся, – обязательно. С дебетом-кредитом разбираться – они большие мастаки. А вот брать преступника, проводить обыск и некоторые другие следственные действия, – сказав последние столь мудреные слова, он самодовольно погладил себя по груди, как бы поощряя себя за происходящий процесс самообразования, – это у нас получается все же получше.

Кадочников широко и громко еще раз зевнул, потянулся и пошел к начальству отпрашиваться, чтобы разрешили ему сегодня уйти со службы пораньше: уж больно сильно тянет в постель...

Часть 2

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Вот повсеместно говорят и пишут: «особисты», то есть сотрудники особых отделов, на фронте творили произвол: после освобождения фашистских концлагерей их обитателей, то есть наших военнопленных, отправляли эшелонами в другие лагеря – советские. Иногда, не вникая в обстоятельства, при которых военнопленный оказался в плену. Так, очевидно, бывало. Потому что всеобщая подозрительность, недоверие к собственному народу – это, так сказать, в крови советских вождей. Вот лишь два расхожих постулата: кто не с нами, тот против нас; у нас нет военнопленных, у нас есть лишь предатели.

Я не сделаю никакого открытия, если скажу: слепое следование названным постулатам стоило жизни немалому числу вполне добропорядочных людей. Все это так. Однако я бы не стал об этом лишний раз вспоминать, если бы ... Если бы и здесь не было оборотной стороны медали, о которой почему-то сейчас почти не вспоминают. О чем я? О том, что с военнопленными немцы вели соответствующую работу. Не всегда, но вербовка давала свой результат. Находились люди, которые соглашались работать на противника. Им не обязательно тотчас же давали задания. Многих вербовали, если так можно выразиться, про запас. Кто-то, подписывая обязательство, думал, что, попав таким образом на родину, о нем со временем забудут; кто-то сознательно шел на это. Забавно, конечно, но получалось так, что именно те, завербованные военнопленные успешно проходили проверки бдительных особистов. Была еще одна категория военнопленных, самая немногочисленная, но, возможно, самая опасная – это ложные военнопленные, то есть перед тем, как оставить концлагерь под натиском Красной Армии, немцы внедряли в среду военнопленных своих, проверенных людей. Например, из числа полицейев, обавривших руки в крови мирных людей на оккупированных территориях. Конечно, вчерашние полицейсы попадали туда под другими фамилиями. Например, им присваивались фамилии тех, кого немцы собирались расстрелять.

У этих, последних тоже не было определенного задания. Впрочем, это не совсем так. У них были задания. Но со спецификой. Им заранее было определено место проживания, чаще всего вблизи секретного оборонного объекта, потом устроиться на работу на этот объект и работать и числиться в передовиках и новаторах, в активистах-общественниках. Короче говоря, занять, как сегодня говорят, определенный имидж, стать в глазах окружающих настоящим советским человеком. И последнее задание – ждать, ждать, ждать. Я помню случай, когда к одному вот такому агенту заявили посланцы с Запада аж через пятнадцать лет. Да, таких «военнопленных» было не миллионы, но несколько тысяч – точно. Много таких нашли пристанище после войны на Урале. Я об этом вспомнил не случайно. Я хотел напомнить, что любая медаль имеет две стороны – лицевую и оборотную. Лицевую видят все, а оборотную дано увидеть далеко немногим».

Ведь вот только что светило солнце и – на тебе: откуда ни возьмись, небо заволочли низкие облака, подул пронизывающий ветер, пошел снег, точнее – не снег, а снежная колючая крупа.

Кадочников, стоя возле будки «Соки-воды», поеживаясь от попадавших за шиворот холодных крупинок, поджидал «Тихоню», своего сексота. Он снял меховую варежку, потянул немного к плечу рукав телогрейки и взглянул на часы: они показывали 12.24. Еще минута. Надо же, какая пунктуальность.

«Тихоню» он завидел издали. Тот, беззаботно размахивая авоськой, появился у Главпочтамта, пересек проспект Ленина, пропуская каждую идущую по нему машину. Приблизившись к Кадочникову, полушепотом произнес:

- Здравия желаю, товарищ майор.
- Не придирайся, – сердито сказал Кадочников, – Ни души кругом. Только мы с тобой – два идиота.
- «Уши» имеют и стены.
- Да, ладно тебе... Мог бы и пораньше прийти.
- Точность – вежливость королей.
- Будет тебе блистать передо мной эрудицией... Не за тем пришел... Говори, что еще у тебя? – Кадочников вновь поежился. – Брр, какая мерзкая погода.
- Не стоит стоять на месте. Пойдемте, товарищ майор. Чтобы не вызывать подозрений.
- Ты прав: стоя на одном месте, можно окончательно задубареть.
- Они пошли в сторону улицы Малышева.
- Жду. Чего молчишь?
- Товарищ майор, на мой взгляд, я все сообщил в донесении. Если еще что-то надо, спрашивайте.
- Кадочников недовольно хмыкнул и мрачно взглянул на совершенно серьезное лицо Соловейчика.
- Во-первых, во всех малейших подробностях расскажи, каким образом тебе стало все это известно?
- Секрет фирмы...
- Я уже говорил: кончай с этим. Не малец!
- В день, указанный в рапорте, я обратил внимание, что при мне они, заместитель директора Соловейчик и товаровед Прошкина, то и дело загадочно переглядываются. Вот я и взял их под подозрение, догадался, что они что-то замышляют. Вечером я, сделав вид, что спешу домой, ушел чуть-чуть пораньше. То есть, не ушел я на самом деле, а стал следить за ними. Они были все время в своем кабинете, недалеко от подсобки. Я стал, соблюдая все меры предосторожности, прислушиваться, о чем они говорят, оставшись одни. Вот и услышал, что договариваются. Но я знаю: слышать – одно, видеть – совсем другое. Я вышел во двор: там – большая груда всякой тары. Спрятался за нее и стал ждать. Первой ушла Прошкина. Вышла. Огляделась по сторонам. Видимо, хотела удостовериться, что никого нет. Убедилась и пошла. Проходя мимо кабинета, приподнялась на цыпочки и постучала в окно три раза. Она ушла. А, спустя некоторое время, появился он, то есть Соловейчик. Он нес один тюк материи. Положил на заднее сиденье машины. Огляделся по сторонам. Ушел назад. И вновь вернулся с еще одним тюком такой же материи. Положил туда же, на заднее сиденье. Сел на место водителя. Завел машину и уехал. Когда он въехал под арку, чтобы выехать на Восьмое Марта, я выбежал и проследил, куда повернет. Он повернул в свою сторону. Значит? Домой!
- Это – всего лишь твое предположение.
- Но я же до того слышал, как они договаривались. Речь шла о его квартире.
- Скажи, на следующий день, когда ты с ними встретился на работе, как они вели себя по отношению к тебе? Что-то необычное заметил?
- Нет. Все, как обычно... Нормально... А что, товарищ майор?
- Кадочников не ответил. Но зато вновь спросил:
- Скажи, он или она тебя не могли заметить?
- Вы о чем, товарищ майор?
- О том, что они могли заметить, что ты следишь за ними.
- Ну, нет! Если бы заметили, то не могли быть наши отношения прежними. Они могли притворяться. Но – меня не проведешь. Я бы учуял все равно.
- Тут что-то не так, нет, не так, – засомневался Кадочников.
- Не сомневайтесь, товарищ майор... Чистейшей воды злостное хищение.

– Скажи еще: два тюка такой ткани... Куда им столько? Продать? Сложно. Сколько денег надо...

– Я слышал между ними разговор о том, что они намерены всю ткань разделить на отрезки по три, три с половиной и четыре метра, а потом, через знакомую женщину, продать на барахолке.

– Они и об этом говорили?

– Да. Они также договорились насчет того, как разделят между собой выручку. Шестьдесят процентов Соловейчик забирает себе, тридцать – Прошкиной, десять – торговке.

– А ты случайно фамилию торговли не слышал?

– Нет. Ее фамилия не называлась.

– Надо же: есть хоть что-то, что тебе неизвестно, – сыронизировал Кадочников и усмехнулся..

– Ваш голос, товарищ майор, звучит не так, как следует, если исходить из серьезности ситуации.

Кадочников пропустил мимо ушей замечание сексота.

– Вот что, «Тихоня», – Кадочников взял его за рукав драпового пальто с каракулевым воротником. – Скажи-ка мне еще одно: зачем тебе все это?

– Что именно, товарищ майор?

– Если бы мы платили за информацию хорошо – другое дело...

– А-а-а, так вот вы о чем?

– Именно об этом! Ради чего сотрудничаешь с органами? Не идеи же ради!

– Почему нет, товарищ майор?

– Свежо предание...

«Тихоня» обидчиво отвернулся.

– Вы, я вижу, мне не доверяете, но почему? Я вас подвел когда-то? Помните, год назад вы мою информацию также подвергали сомнению и что?

– Тогда – правда... все было точно.

– А сейчас? Почему сейчас сомневаетесь? Не сомневайтесь: идите, делайте обыск и, я вам ручаюсь, вы все найдете. Ну, конечно, если будете ходить с неделю вокруг да около, то...

– Ты полагаешь, что все так просто? Ты сообщил, я рванул и накрыл ворюгу?!

– Как хотите, товарищ майор. Я свою часть работы сделал. Сделал, как мог. Теперь – слово за вами.

– Подозрительно, но все равно спасибо. Будем думать.

– Но не долго, товарищ майор, а иначе можете опоздать.

– Будем думать столько, сколько потребуется, «Тихоня».

– Извините, я же по доброте душевной...

– Вот в этом-то я и как раз не совсем уверен.

– Вы... опять о том же? Почему вам, товарищ майор, нельзя поверить, что я могу действовать в ваших интересах исключительно из идейных побуждений? Извините, но я не перевариваю ворюг, а их в системе советской торговли хватает...

– Э-т-то точно! Недавно один районный прокурор на совещании так и сказал: была бы, мол, его воля, то он бы каждого второго торгаша отправил в тюрьму без суда и следствия. И ошибки, то есть невинно посаженного, не оказалось бы.

– Ну, тут он хватил лишку, товарищ майор. Как можно – без суда и следствия?

– Нельзя, конечно, нельзя. Однако все присутствующие его столь эмоциональное высказывание восприняли благожелательно. Во всяком случае, поняли, что он имел в виду. А, говоря так, прокурор лишь хотел подчеркнуть, насколько преступность охватила всю систему торговли. Как с ней бороться – никто не знает.

– Я знаю, товарищ майор.

– Ты?!

– Признайтесь, настоящей борьбы и нет.

Кадочников повернулся и внимательно посмотрел ему в лицо.

– Не понял.

– Вокруг совторговли многие кормятся – те, кто влияют на принятие решений. Вот вы, товарищ майор, получив мой рапорт, о чем в первую очередь подумали?

– Честно?

– Да.

– Подумал в первую очередь о том, что ты фантазируешь...

– Ну? А я что говорю?! Даже вы готовы с порога отмахнуться и все списать на мои, якобы, фантазии. А почему? А потому, что знаете: как только станет известно, что вы копаете под Соловейчика, – такое начнется...

– Какое «такое»?

– Ой-ей-ей... так-таки и не знаете?.. Когда в наш магазин поступает импорт, то во дворе плюнуть негде – сплошь начальство. Пока оно не отоварится – в открытую торговлю ничего не поступит. А самые большие начальники и их родня – даже и не ходят. Им прямо на службу принесут все, что надо.

– Фантазер ты, однако...

– Хотите факты?

– Если уж сказал «а», то у тебя ничего не остается другого, как идти дальше, – почти шутливо заметил Кадочников.

– Извольте, товарищ майор... С месяц назад сам лично отвозил образцы тканей первому секретарю горкома КПСС. Его супруженица, видите ли, решила выбрать что-то поприличнее для своей дочки, для ее обновки на день рождения. Надо ли говорить, что выбранное ею на прилавке никто и никогда не видел? У директора есть список лиц, которые обслуживаются с заднего хода. Сам видел.

– А ты не боишься, что все сказанное тобой будет известно твоему директору?

– Ну, – «Тихоня» опешил, даже остановился от неожиданно прозвучавшего вопроса, – надеюсь на вас, товарищ майор. Вы же не выдадите меня, правда?

– Что ты, конечно, нет. Но с другими, даже из нашего «ведомства», не слишком откровенничай. Поосторожнее, братец.

– Спасибо, напомнили, что язык лучше держать за зубами.

– Вот именно! А вообще, ты опять же прав. У торгаша, когда пытаешься ему прищепить хвост, сразу находится могущественный покровитель. Но ты не думай, что я, осторожничая, испугался. Нет! В данном случае – другое... Даже объяснить не могу.

Они стояли на перекрестке улиц Пушкина и Малышева.

– У вас, товарищ майор, нет больше вопросов? Я пойду. А то в магазине хватятся.

Кадочников протянул осведомителю руку.

– Извини, братец, что не доверяю... Я никому не доверяю. Даже себе. Не обижайся, ладно? А за информацию – спасибо. Ну, будь!

Кадочников крепко пожал «Тихоне» руку, повернулся и пошел назад, в сторону проспекта Ленина, а его осведомитель, потоптавшись чуть-чуть на месте, повернул на право и пошел по улице Малышева. Им во многом было по пути, но шли они разными путями.

Часть 3

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Я скажу про себя: у меня также были свои осведомители, сексоты то есть, – вполне порядочные люди, которым я полностью доверял. Но все же, получив от них информацию, старался оперативным путем перепроверить. Доверяй, но проверяй – моя аксиома. Как другие? Не знаю. Но рискну предположить, что также. Я слышал и тогда, что на Западе за поставляемую информацию платят, прилично платят. У нас же, за десятки лет службы я не помню ни одного случая, чтобы мой сексот получил бы от нашего ведомства какое-то вознаграждение. Признаюсь: в исключительных случаях для получения нужной информации приходилось прибегать к давлению. Нет, не подумайте, что речь идет о физическом воздействии. Речь-то я веду о морально-психологическом воздействии. Но это лишь в отношении лиц, за которыми, мы знали, водятся разные грешки. Не думаю, что нынче правоохранительные органы не пользуются подобными источниками информации. Уголовный мир их называет „стукачами“. Эти самые стукачи из преступной среды имеются как на воле, так и в колониях. Конечно, по возможности старались их обезопасить, но не всегда удавалось. Иногда для них стукачество заканчивалось трагически. Печально, но факт».

Вернувшись в управление, Кадочников на первом же этаже нос к носу столкнулся со старшим оперативным дежурным Савельевым. Они сегодня еще не виделись, поэтому обменялись рукопожатием.

– Что новенького, Яков Ильич?

– Ничего существенного. В основном, сегодня бытовуха.

– Значит, повезло тебе.

– А тебе, что, нет? – спросил Савельев и улыбнулся.

Кадочников ответил как-то неопределенно:

– Не скажи...

Савельев, собравшись идти, пошутил:

– Когда определишься – скажешь, идет? – он пошел, но потом вернулся. – Чуть не забыл: Семеныч тебя искал.

– Чего меня искать – не иголка. Шеф знает. Что ему надо, сказал?

– Нет. Но просил, если тебя увижу, чтобы сказал, что он бы хотел тебя видеть. Заявляет, что срочно.

– На ловца и зверь...

– Не хочешь ли сказать, что и у тебя имеется желание встретиться?

– Вроде того... Иду к нему...

«Начальнику ОБХСС УМГБ Свердловской области

подполковнику Малышеву Ивану Семеновичу

от старшего оперуполномоченного Кобякова А. В.

Р А П О Р Т

Сегодня, то есть 31 декабря, мною взята под наблюдение постоянная торговка на центральной барахолке. Означенная гражданка попала в сферу моего внимания ввиду того, что торгует отрезами чисто шерстяной костюмной ткани типа «Бостон». За несколько часов наблюдения она продала три отреза. Что свидетельствует о том, что у нее имеется какой-то поставщик-оптовик, который, скорее всего, крадет означенную ткань либо на производстве (например, на швейной фабрике «Одежда»), либо в торговой сети. По всем первоначальным признакам, ткань в большом дефиците и запросто ее не достать. Фамилия торговли (мною установлена) Симонова Юлия Аркадьевна.

Жду указаний.

Со своей стороны, считаю необходимым завтра же, в момент очередной купли-продажи, задержать ее и покупателя. Покупателя задержать и привлечь в качестве свидетеля.

Лейтенант Кобяков».

Подполковник Малышев отчаянно ругался с кем-то по телефону, когда вошел в кабинет Кадочников. Он догадался (по отрывочным фразам), что ругается Семеныч с начальником городского управления торговли; ругается из-за того, что надо закрыть какую-то торговую точку для проведения внезапной ревизии, а на том конце провода, видимо, отчаянно возражают.

Завидев вошедшего, Малышев, не прерывая телефонного разговора, рукой показал ему, чтобы тот присел и подождал. Кадочников так и сделал. От нечего делать стал прислушиваться к разговору его давнего друга и, одновременно, соперника по службе.

– Вы что, в самом деле? – продолжал кричать в трубку Малышев. – Мне это надо или вам, в первую очередь? У вас воруют. Мы намерены схватить за руку расхитителей собственности... А вы? Что вы?.. Ну, знаете ли... Я?! Грублю? Вам? Поговорите с моими подчиненными, они расскажут, как звучат мои грубости... Это правда: вы – не мой подчиненный, но и я не ваш слуга... Не надо меня пугать... Вы правы, я тоже коммунист и готов блюсти интересы партии... Да, что вы!.. Вот, а я-то думал, что интересы партии и государства – это одно и то же. Значит, ошибался... Извините, но у меня нет желания дальше с вами заниматься демагогией... Что?.. Кончайте вы с этим: план, план... Не надо прятаться за необходимостью выполнения плана по товарообороту... Не надо, говорю я вам!... Повторяю: наш разговор теряет смысл: или вы назначаете внеочередную ревизию в магазине, или я иду в горком КПСС и ставлю этот вопрос там, в отделе торговли... Итак... Что вы решили?.. Выходит, закрываете магазин на ревизию все-таки?.. Мудрое, скажу я вам, решение... Что?.. Издеваюсь?... Ни в коем случае! Всего наилучшего.

Малышев положил трубку. И, обращаясь уже к сидевшему молча Кадочникову, сказал:

– Вот так всегда: чуть что, пошевелиться не успеешь – тебе сразу в рыло интересы партии. Мерзавцы! Они, видите ли, идейные, все понимают; они, видите ли, настоящие партийцы... А кто я тогда? Зачем я-то ловлю хапуг? Не за тем ли, чтобы защитить интересы партии?

– Ладно тебе, Семеныч, пузыри-то пускать.

– Тебе хорошо говорить... Тебе не приходится так-то вот...

– Почему? Думаешь, если мы «уголовка», то у нас все гладко? Считаешь, нам не звонят? Не угрожают? Нет, также напоминают и о партийности, и об идейности. Недели две назад (наверное, ты слышал) задержали на пятнадцать суток сыночка командующего УралВО. Он во Дворце металлургов дебош устроил, к девчонкам приставал. Слышал бы ты, каково было мне выслушивать маменьку это великовозрастного балбеса; каких только угроз не наслушался. Кстати, пришлось отпустить – от греха подальше. Будь моя воля – ни за что бы не отпустил.

– И что это на нас нашло? Разнылись...

– Верно, не стоит тратить на такие пустяки время, тем более, что все равно ничего не изменим... Семеныч, а я к тебе по делу.

– Да? Но и я хотел с тобой переговорить по одному делу, но не нашел на месте. Слушаю, с чем пришел? А потом и насчет своей проблемки выскажусь.

– Семеныч, от своего информатора я узнал, что совершено хищение собственности. Место совершения преступления – подсобные помещения магазина «Светлана»...

– Что, опять? – удивился Малышев.

– Что ты имеешь ввиду?
– В прошлом году мы уже вели оперативную разработку. Даже уголовное дело в отношении директора было возбуждено.

– И что?

– Из-за противоречивости свидетельских показаний вынуждены были прекратить уголовное преследование.

Кадочников недоверчиво смотрел на Малышева.

– Только ли по этой причине?

– Разумеется, не только. Покровители-то у него оказались, знаешь, где?

– Могу предположить.

– Так что... дохлое это дело.

– Я так не считаю, – возразил Кадочников.

– Почему?

– По моей информации, сейчас совершил кражу не директор, а его заместитель...

– Кто? Соловейчик?!

– Ты его знаешь?

– Конечно. Он мне тогда порядочным показался. У тебя точная информация?

– Думаю, да. Я встретился с информатором. Уточнил детали. Никаких сомнений не осталось.

– А что он унес?

– Два тюка костюмной ткани типа «Бостон» по 50 метров каждый.

– Ничего себе. Куда он с таким богатством?

– Мой информатор сам слышал, что у Соловейчика есть знакомая базарная торговка. Намерен разделить тюки на отрезы и через торговку продать по частям...

– Погоди-ка... Невероятное совпадение! – воскликнул Малышев. – Сегодня утром мне положил на стол рапорт лейтенант Кобяков. Он докладывает, что взята под негласное наблюдение некая Симонова Юлия Аркадьевна, постоянная торговка на центральной барахолке.

– Чем она торгует?

– По сведениям Кобякова, она скупает краденое и продает. Ее там все знают.

– Семеныч, а мне можно прочитывать рапорт?

– Изволь.

Малышев достал из стола лист бумаги и передал Кадочникову. Пробежав глазами корявый текст, Кадочников заметил:

– Все ясно... Все сошлось... Круг замкнулся.

Малышев почесал начавшую уже лысеть голову.

– И что будем делать?

– То, что пишет Кобяков, – брать надо.

– Кого?

– Ясно: сначала – торговку, а потом и... Дело это сугубо по твоему ведомству, тебе и карты в руки.

– И не сможешь?

– Как не помочь... Мои оперативники – в твоём распоряжении.

– Они понадобятся сейчас же. Давай пару мужичков. Сведу их с Кобяковым. Самому Кобякову нельзя участвовать непосредственно в задержании торговки. Он там постоянно работает, ему и дальше работать. Не надо, чтобы его видели вместе с милиционерами.

– Как скажешь, Семеныч, – Кадочников встал. – Я пойду к себе. А ты, обмозговав план действий, скажешь, в чем конкретно помощь потребуется.

Часть 4

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Нас двоих – меня и еще одного такого же молодого и начинающего опера – вызвали к начальству и сказали, что мы должны задержать на центральной барахолке (тогда она размещалась за Южной, в сторону Вторчермета) профессиональную фарцовщицу и доставить в управление. Поручение – элементарное. Оно и понятно: нам, молодым и неопытным, пока что серьезного еще не доверяли. Нам лишь сказали, что там же, неподалеку будет находиться опер из ОБХСС, в штатском, и он подаст знак рукой, когда следует начинать. Проблем никаких не предвиделось. Единственное, чего я, например, опасался: задержание будет производиться, как я понял, в самый момент совершения купли-продажи, придется поэтому задерживать и ни в чем неповинного покупателя (он-то не знает, что приобретает краденое), который может отказаться следовать с нами, который может поднять шум на барахолке. Знаете, ведь, как в таких случаях бывает. А лично мне не хотелось шума».

Старшина Плотник, старший сержант Еременко (оба в форме МГБ) и Кобяков (в штатском: в фуфайке, серых валенках фабричной работы и цигейковой поношенной изрядно шапке) в половине одиннадцатого вышли из управления, пересекли площадь, свернули направо, на 8 Марта (там тогда была остановка трамваев, идущих в сторону Южной). На остановке проторчали, наверное, с полчаса. Трамвай №5 (Уралмаш – Южная) все не было. Наконец, он показался на перекрестке, свернул в их сторону. Остановился. Трамвай был переполнен. Входявшие и выходявшие отчаянно толкались и ссорились нещадно. Арбитром выступала седенькая вагоновожатая, которая из своей кабины пыталась утихомирить спорящих. Тащился трамвай долго до своего кольца. Наконец-таки все трое вышли на Южной. Кобяков пошел вперед, чуть поодаль – двое других. Предосторожность – не лишняя. Этим же трамваем наверняка приехали и завсегдатаи барахолки и, увидев Кобякова вместе с ними, с людьми в форме, могли что-то заподозрить.

Дистанцию они держали и на барахолке. Людей было немного. Очевидно, из-за погоды – метельно и холодно. Плотнику и Еременко не трудно было держать все время в поле зрения Кобякова. А он вертелся возле одного деревянного прилавка. Издали они не видели, что там выложено на продажу.

Первым заметил поданный Кобяковым сигнал (поднятая кверху рука как бы приветствовавшая кого-то из знакомых) сержант Еременко.

– Славик, идем. Пора.

Они даже не пошли – побежали. Боялись опоздать. Успели. Они подскочили в тот момент, когда покупательница, хорошо одетая дородная женщина, отсчитывала деньги за покупку – за отрез костюмной ткани.

– Гражданочки, одну минуту, – сказал строго Плотник.

– В чем дело? – чуть ли не в голос спросили обе женщины – и продавец, и покупатель.

Теперь Плотник обратился только к продавщице:

– Вы, гражданка Симонова, задерживаетесь по подозрению в скупке и продаже краденного...

– Что вы такое говорите? Какое краденое? Какая скупка? – завозмущалась торговка. – Этот отрез я купила мужу, хотела костюм ему сшить, но ему расцветка не понравилась, поэтому пришлось продать.

– Ничего, гражданка Симонова, разберемся, все выясним. Пройдемте с нами, – Плотник повернулся к онемевшей от испуга покупательнице. – И вам, к сожалению, придется также проследовать с нами.

– Товарищ старшина, но причем тут я?

– Притом, что вы свидетель, как эта вот гражданка, – он кивнул в сторону Симоновой, которую уже держал за рукав Еременко, – пыталась вам продать вот эту самую ткань. По нашим сведениям, гражданка, эта ткань краденая.

Покупательница больше не стала возражать. Они пошли. Но Плотник заметил, что Симонова оставляет свою сумку под прилавком.

– Нет, так не пойдет, гражданка Симонова: свою сумку вы заберите с собой. Она вам еще пригодится.

– Это не моя сумка.

– А чья же?

– Вон, соседки справа.

Соседка, торговавшая справа всякой домашней мелочевкой, возмутилась:

– Ты чего это на меня показываешь? У меня отродясь такой сумки не было. Дура!

Торговка, сверкнув глазами, сплюнула.

– У, тварь... продажная!

Симонова нагнулась и подняла сумку. Плотник усмехнулся.

– Теперь – пошли. Теперь – так, как надо...

Третий этаж управления. Кабинет следователя ОБХСС.

Георгий Иванович еще года не работает. Пришел в органы после окончания Свердловского юридического института. Попал – по распределению. Пожалуй, ему повезло. Потому что другие выпускники уехали в Тмутаракань. А он же остался в Свердловске. Да, он пока живет в общежитии. Но начальство говорит, что после женитьбы, если таковое случится, дадут ему для начала отдельную комнату в коммуналке. Ну, а там? Как говорится, время покажет. Пока ему удалось расследовать лишь одно хозяйственное преступление. Но начальство успело заметить: молодой специалист имеет хорошую перспективу, поскольку он не только хорошо подготовлен теоретически, а и предельно аккуратен, всегда собран, деловит, не позволяющий себе на работе никакой расхлябанности. Это как раз те самые качества, как считает начальство, которые крайне нужны следователю. Начальство, как в воду глядело, говоря о перспективности молодого специалиста. Александрович пошел далеко. Впрочем, это будет потом. А пока...

В кабинет вошел старшина Плотник.

– Задержанные доставлены, – сказал он. – Говорят, ты ими станешь заниматься.

Они были на «ты». Во-первых, давно знакомы. Во-вторых, так условились. Старшина Плотник был несколько старше по возрасту, но зато Александрович был постарше в звании: ему недавно на погоны нацепили лейтенантские звездочки.

– Все верно, Слава. Давай сюда сначала свидетельницу. Я допрошу ее, отпущу, а потом займусь подозреваемой. А ты, тем временем, садись за рапорт, пиши, как прошло задержание. Для возбуждения уголовного дела нужно. Понял, да?

– Естественно, – ответил Плотник и вышел.

Тут же вошла изрядно располневшая женщина. Она мяла в руках маленький кожаный ридикюль. Увидев, что та волнуется, следователь попробовал ее успокоить.

– Не волнуйтесь вы так, гражданка. Вы ни в чем невиноваты. Проходите по делу как свидетель. Присаживайтесь и успокойтесь. Для вас – ничего страшного.

Заполнив «шапку» протокола допроса свидетеля (ну, то место, где графы насчет следователя, биографических данных допрашиваемого), Александрович поднял глаза на сидящую напротив женщину. Она, судя по всему, несколько пришла в себя.

– Таким образом, с формальностями закончили. Теперь, Наталья Владимировна, расскажите, как все было, – сказал следователь.

– Мне, собственно, и рассказывать нечего... Обычно я редко бываю на барахолке. Сегодня пошла и вот чем закончилось... Решила посмотреть. Пришла на базар, увидела

приличную ткань и цена подходящая. Решила отрез купить... мужу на костюм. Посмотрела ткань. Повертела так и эдак. Не решалась долго. Но потом все же решилась... Стала отсчитывать деньги и тут ваши милиционеры. Вот и вся история.

Александрович выложил на стол отрез ткани:

– Это та самая ткань, которую вы намеревались купить?

– Да.

– Раньше вы с продававшей женщиной не были знакомы?

– Нет, никогда.

– Но она же постоянно там торговала.

– Я уже сказала, что на барахолку хожу от случая к случаю, а делаю покупки – и того реже.

– Хорошо, – следователь протянул ей листки протокола. – Прочтите и внизу каждого листка напишите своей рукой «С моих слов записано правильно» и распишитесь.

Она все сделала.

– Мне можно идти? – спросила она?

– Разумеется. Если потребуетесь – пришем повестку. Наши люди вас проводят.

– Я и сама смогу.

– У нас так положено.

Свидетельница вышла. Александрович вышел из-за стола, выглянул в коридор. Увидев сидевшую там женщину, спросил:

– Симонова? – та кивнула. – Заходите.

Следователь вернулся на место. Симонова уселась, сложив руки на коленях.

– Гражданка Симонова, знаете, по какой причине вы задержаны?

– Старшина сказал, что, я будто бы, торгую краденым. Но – это неправда.

– Правда или неправда – предстоит выяснить мне. С вашей помощью, конечно.

– Вы ведь отпустите меня, да? – спросила с надеждой Симонова и поглядела ему в глаза.

– Не знаю... Это будет зависеть от вас.

– Как? От меня!?

– Ваша дальнейшая судьба – в ваших руках.

– Я вас, гражданин следователь, не понимаю.

– Не притворяйтесь, пожалуйста. Вы не впервые перед следователем. Вы уже привлекались...

– Знаете?... Когда успели?

– Работаем, гражданка, работаем.

– Вы правы, – призналась она. – Два года назад мне «шили» дело по спекуляции...

– Что значит «шили»? Не вы ли тогда признались в содеянном?

– Да, попробуй у вас не признаться. У вас здесь и мертвый заговорит – о том, что было, о том, чего не было.

– Из вас, что, вышибали нужные показания? Вы об этом?

– Не совсем.

– Что значит «не совсем»?

– Бить – не били, но угрожали.

– Вы – не оригинальны.

– Вы – тоже.

– Давайте не станем пикироваться. И вам, и мне нужна правда... Дадите чистосердечные признания – одно, будете врать – другое. Вы должны помнить: раскаяние и содействие следствию – есть смягчающее вину обстоятельство.

– Не знаю, как вы, но я считаю, что за мной нет вообще никакой вины.

– Хуже для вас...

– Вы угрожаете?

– Нет. Но вижу, что с вами с глазу на глаз оставаться нельзя, – следователь набрал номер. – Дежурный? Найдите, пожалуйста, старшину Плотника. Он где-то рапорт сочиняет. Скажите, чтобы зашел сейчас же к следователю Александровичу, – он положил трубку. – На одну минуту прервемся, гражданка Симонова.

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Я присутствовал на допросе задержанной на барахолке. Она, конечно, немного полове, дала признательные показания. Вырисовывалась следующая картина: несколько дней назад к ней, Симоновой, домой зашла ее знакомая Прошкина. Выпив чайку, поговорив о всяком разном, гостья предложила ей на продажу несколько отрезов костюмной ткани типа «Бостон» на условии – девяносто процентов выручки поставщику, остальное продавцу; она согласилась, поскольку ткань дефицитная и разойдется быстро; она, Симонова, поинтересовалась, откуда эта ткань, на что Прошкина сказала – она принадлежит Соловейчику; Симонова успела продать за эти дни шесть отрезков на общую сумму 48 тысяч рублей; выручку отдавала вечером приходившей Прошкиной; у нее остались нереализованными два отреза, которые следователем были изъяты в качестве «вещдока». Знала ли Симонова, что ткань краденая? Говорит, нет, не знала. Но догадывалась. Какая роль во всем этом Прошкиной? Симонова сказала, что, скорее всего, она всего лишь посредник, то есть Соловейчик не захотел «светиться». Знала ли она, где работают Соловейчик и Прошкина? Да, знала, что Прошкина – товаровед магазина «Светлана», насчет Соловейчика – нет. И не интересовалась.

Молод я тогда был и многого не мог понять. Например, не мог понять, почему этим, в общем-то, рядовым преступлением, какой-то торговкой на барахолке занимается УМГБ? Этим, как я понимал, вполне бы могли справиться сотрудники третьего отделения милиции, в зоне которого находилась та злополучная барахолка. Спрашивал начальство. Оно улыбалось, хлопало меня по плечу и говорило: «Поработаешь побольше – все поймешь, а пока делай то, что говорят те, кто знают, что делают». Я понимал (в моем переводе на обычный язык) это так: не суй свой нос туда, куда не просят.

Надо пояснить: я в милицию пришел по комсомольской путевке, прямо от станка. В войну подростком стал работать на заводе имени Калинина шлифовщиком. В выходные (это уже после войны) меня привлекали для охраны общественного порядка, «бригадмилецем». Ходил на дежурства с удовольствием, не по принуждению. Нравилось. Что? Объяснить не могу даже сейчас. Кто-то заметил, что у меня тяга к этому. И выразили (видимо, в парткоме завода) желание видеть меня в рядах милиции.

Сначала пригласили в заводской комитет комсомола, поговорили. Потом повели в партком, а оттуда – в кадры УМГБ. Подучили чуть-чуть и причислили к уголовному розыску: мужик ты, сказали, крепкий, а знания – дело наживное, со временем придут.

Не всем повезло так, как мне. В том смысле, что повстречал в милиции хороших, честных людей, которые по-отечески относились ко мне; помогали, чем могли. Но и драли, как Сидорову козу, если ошибался. Никакой пощады! Обижался. Считал, что ко мне несправедливо относятся, придираются, цепляются по пустякам. Обида во мне держалась не больше суток. Уже на другой день все забывалось».

Часть 5

Кабинет заместителя начальника УМГБ.

Полковник Азаров, курирующий службу ОБХСС, нервно вышагивал по кабинету, когда стали собираться вызванные им руководители отделов и некоторые оперативники. Он всегда нервничал, когда видел, что интересы службы и интересы парторганов коренным образом расходятся. Видеть-то он видел, но говорить об этом вслух не смел: партийная дисциплинированность не позволяла. Плюс некоторые обязательства. Он до этого работал инструктором отдела административных органов Свердловского обкома КПСС. А в сорок девятом его пригласил к себе первый секретарь Андрианов и сказал, что партия его направляет на укрепление кадров в УМГБ (его предшественник был арестован как враг народа и пособник империализма, осужден по 58-й на пятнадцать лет лагерей), что партия рассчитывает на его стойкость в отстаивании интересов партии. Что было делать? Как говорится, взять «под козырек». Ему сразу на плечи – три больших звездочки и должность заместителя Чернышева. Повезло мужику. Другие, чтобы достичь подобного, служат десятки лет. А тут... Раз, два – и в дамках! А это значит, что оказанное высокое доверие ему надлежит оправдывать каждодневной службой. И он старался. Но иногда оказывался в тупике.

Вызванные сотрудники управления входили по одному и рассаживались за столами, образовавшими букву «Г». Мрачно оглядев всех присутствующих, он прошел на свое место. Подчиненные, заметив его дурное расположение духа, притихли.

– Я собрал вас, товарищи, чтобы заслушать информацию, обсудить ее и сообща, коллегиально принять решение. Но прежде должен высказать одно замечание: все мы работаем в УМГБ области, а не в каком-нибудь отделении милиции, а посему не пристало подменять собой низовые звенья. Оперативник отделения милиции, если мы так будем действовать дальше, может остаться без работы. Вы понимаете, о чем я?

Все поняли цель и смысл замечания, поэтому промолчали.

– Ваше молчание, товарищи, воспринимаю как согласие. Тогда – перейдем к существу вопроса. Подполковник, что у тебя за дело, связанное с магазином «Светлана»? Прошу – коротко и ясно!

Малышев встал и начал докладывать:

– Наш отдел располагает информацией, что в названном вами, товарищ полковник, магазине имел место факт хищения социалистической собственности, причем в особо крупном размере. По оперативным данным, сумма хищения может превысить (в нынешнем исчислении цен) сто тысяч рублей. Вчера была задержана гражданка Симонова, торговавшая краденым на барахолке...

– Допросили?.. Кто?

– Следователь Александрович...

– Лейтенант, что скажешь?

Александрович также встал.

– Подозреваемая Симонова дала признательные показания...

– Что собираешься делать?

– Думаю возбудить в отношении Симоновой уголовное дело по факту торговли краденным.

– А ты уверен, лейтенант, что докажешь вину? Она знала, что продает краденое?

– Определенно, товарищ полковник, не знала, но могла догадываться.

– Это – не аргумент. Суд не примет ваши или ее догадки. Предположения не могут быть положены в основу обвинительного заключения, – Азаров встал и вновь зашагал по каби-

нету. – Видите, какими мы с вами пустяками занимаемся? Какая-то базарная торговка... Почему не передали в третье отделение? Вам нечем заняться? По работе соскучились?

Малышев знал, что на эти вопросы отвечать ему.

– Понимаете, товарищ полковник, информация получена нами...

– И что? Получили – передайте. Пусть занимаются там.

– Товарищ полковник, они, там не справятся и дело завалят. Директор...

– Вот именно – директор... Почему твоя голова должна болеть, справятся или не справятся?

Малышева решил поддержать Кадочников.

– Разрешите?

– Тебе-то что не сидится, майор?

– Вы сами сказали, товарищ полковник, что собрали нас, чтобы выслушать, обсудить и принять правильное решение.

– Да, я так сказал... Что из того?

– Значит, я также вправе высказать свое мнение...

– Высказывай. Кто-то тебе мешает?

– Товарищ полковник, вы прекрасно понимаете, что речь идет о престижном, далеко не рядовом магазине. Директор – уважаемый человек. В прошлом году мы подступались уже, но...

– Короче! – прервал его Азаров.

– Мое мнение: а) необходимо произвести обыск на квартире Соловейчика; б) производство по делу ни при каких условиях не передавать в третье отделение, если мы не хотим сами, своими руками погубить и дать возможность виновным вновь уйти от ответственности.

– Майор, на что намекаешь?

– Ни на что.

– Заруби себе на носу, майор: здесь – не фронт, нет ни немцев, ни брустверов, ни амбразур. Брось свои армейские замашки, ясно?

– Я сказал, что думаю...

– Садись, майор. С тобой все ясно. Есть еще те, кто также думают?

Ответил Малышев:

– Здесь все так думают.

– Но замечу: кроме меня, – уточнил полковник Азаров.

– Очень жаль.

– Не надо меня жалеть, подполковник, понял?

– Так точно, понял.

– Ты... что себе позволяешь?! – вскипел Азаров. – Да я... – он вовремя остановил себя, подавил раздражение, попытался успокоиться. Он вернулся на свое место и сел. – Извини... Погорячился... Если так... если все так считают, то я не против. Но имейте в виду: санкцию у прокурора на обыск вам трудно будет добыть.

Малышев заметил:

– Трудно, понимаем. Но мы рассчитываем на вас, товарищ полковник.

– Ну, вы даете!

– Знаем, что у вас, товарищ полковник, очень хорошие отношения с прокурором...

– Вы?... Хотите, чтобы я?..

– Так точно, товарищ полковник.

– А, ладно, – Азаров хлопнул ладонью по столешнице, – двум смертям не бывать, а одной – не миновать. Добуду я вам санкцию. Только прошу: поделikatнее, поосторожнее.

Не забывайте, что дело имеете с зубастой акулой. Не мне вам говорить, что директор «Светланы», узнав, что вы копаете под его людей, такое устроит, что небо с овчинку покажется.

– Рискнем, товарищ полковник.

– Смотрите... смотрите... Рискуете вы... Не забывайте, что о возможных проблемах я вас всех предупредил.

Часть 6

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Санкцию на обыск (по слухам) выбил сам Азаров. В оперативную группу по производству обыска на квартире заместителя директора магазина „Светлана“ Соловейчика (кроме меня) вошли: следователь Александрович, оперуполномоченный уголовного розыска Еременко, майор Кадочников (по его желанию), а возглавил группу сам Малышев. Я испытывал удовольствие, что и мне (наконец-то!) предстоит участвовать в чем-то очень ответственном и, судя по всему, очень важном. С гордостью ждал своего часа. Старшие мои товарищи, конечно, ничего такого уж важного в предстоящем обыске не усматривали. Обычное дело. Но это для них! А для меня... Забегая вперед, скажу, что впоследствии и эти зубры станут растерянно качать головами, вспоминая этот обыск».

Магазин «Светлана». Крохотный кабинетик-закуток.

– Доброе утро, Яков Яковлевич!

Соловейчик оторвал взгляд от документов, лежавших грудой перед ним, увидев вошедшую Прошкину, в ответ на приветствие кивнул и вновь уткнулся в бумаги.

Прошкина, таинственно оглядевшись вокруг, полушепотом сказала:

– Мне что-то тревожно, Яков Яковлевич.

– Что случилось, милейшая Алла Демидовна? – не отрываясь от документов, спросил Соловейчик женщину.

Прошкина убрала со стула лежавшие какие-то книжки и присела. Она смотрела на Соловейчика и не могла надивиться его самообладанию. Ей казалось, что ничто его не сможет вывести из равновесия. Они знакомы (и довольно-таки близко) с сорок второго. И с того времени она не помнит, чтобы он когда-то повысил голос – на нее или на кого-то еще.

– Ты, как гляжу, спишь спокойно?

– Почему бы и нет? Не вижу причин... И тебе рекомендую.

– Вечером должна была зайти Симонова. За очередной партией. Не объявилась. Пошла к ней. Ее и дома не оказалось. Домашние сказали, что она странным образом задерживается: обычно, мол, с барахолки она возвращается в пятом часу. Посидела немного – не дождалась. Сегодняшним утром поехала на барахолку... Тебе не интересно, что там узнала?

– Нет. Что может быть интересного на барахолке? – Соловейчик отодвинул от себя в сторону бумаги и откинулся на спинку стула. – Милейшая Алла Демидовна, вот что я тебе скажу: волноваться надо было раньше. Теперь же – все во власти Всевышнего, а он, ты хорошо знаешь, где находится...

Прошкина нагнулась к нему и прошептала:

– Но... вот-вот нагрянут.

– С чего ты взяла? Спокойствие, милейшая, спокойствие. Что ты вздрагиваешь от каждого шороха? Не кисейная, кажется, барышня.

– На барахолке мне сказали, что вчера торговку, которая рядом с ними торговала, то есть Симонову, замели.

Произнеся столь важное, как ей казалось, сообщение, она стала ждать его реакции. Реакции – никакой! Лишь после минутной паузы Соловейчик заметил:

– Фи! Какие словечки! – презрительно произнес он по-прежнему ровным голосом. – И откуда ты набралась жаргона?

– Сам знаешь...

– Да... Ее не отпустили? – равнодушно поинтересовался Соловейчик.

– Не знаю.

– Надо будет узнать... Не хотелось бы, чтоб из-за нас пострадала.

– Пожалел...

– Вот еще что: когда придут, ты должна лишь каяться, понятно, милейшая? Каяться, бить себя в грудь и больше ничего. Что же касается торговли, то станешь говорить, что она не знала и не могла знать, что поставляемый ей товар на реализацию краденый. Ее надо вывести из-под удара.

– Какой жалостливый...

– Оставь этот тон, милейшая. Мы так должны действовать не только ради нее, но и ради нас. Она нам еще пригодится: русский человек на добро всегда платит добром, ясно?

– Трудно тебя понять... Чего ты хочешь?

– Не задавай лишних вопросов. Я тебе еще раз говорю: на следствии веди себя так, как условились. Все, что касается кражи собственности, – рассказывай все, до запятой. На все другие вопросы следователя – старайся молчать или говорить что-либо несущественное. Впрочем, я не думаю, что при таком нашем примерном поведении у следователя появятся лишние вопросы. У него задача одна: поскорее закончить следствие и дело спихнуть в суд. Чем скорее он это сделает (с нашей помощью), тем для него лучше. Так что он нам будет еще благодарен. Да и в суде пригодится. Раскаяние в содеянном и содействие следствию – существенно смягчающие вину обстоятельства.

– Боязно все равно.

– Для тебя – вообще ничего страшного не предвидится. Я буду брать всю вину на себя. Самое большее – за соучастие получишь пару лет. Пока суд да дело – срок-то и пройдет.

– А с тобой... что?

– Ну, мне светит побольше. Но и я рассчитываю на снисхождение. Как-никак, а участник войны... Еще раз прошу: возьми себя в руки. Ты знала, на что идешь. Сейчас поздно думать о последствиях. Смягчить их – это единственное, что мы можем... Не замыкайся на настоящем... Смело гляди в будущее. А там...

Прошкина скептически посмотрела на него и заметила:

– Там – тоже может повернуться по-всякому.

– Милейшая, Алла Демидовна, избавляйся от пессимизма. С ним трудно жить.

Дом на Набережной.

В половине восьмого вечера в дверь квартиры №17 постучали. Соловейчик, занимавший дальнюю, угловую комнату, слышал, но не пошел открывать. Вышла соседка. Он слышал, как она прошлепала к двери и спросила: «Кто там?» В ответ мужской голос сказал: «Откройте, милиция!»

Он слышал, как звякнула защелка, закрипела отворяющаяся дверь и голоса.

Соседка:

– Что случилось?

Тот же мужской голос:

– Здесь проживает гражданин Соловейчик?

Соседка:

– Да, вон в той комнате.

Мужской голос:

– Он дома?

Соседка:

– Да... А что случилось?

Мужской голос:

– Разрешите пройти к нему?

Соловейчик, заслышав тяжелые шаги, пошел навстречу. Они встретились в коридоре. Соседка по-прежнему стояла у дверей, испуганно глядя на пришедших.

– В чем дело, товарищи?

– Вы Соловейчик? – спросил подполковник Малышев.

– Да, я Соловейчик – к вашим услугам. В чем дело? Кто вы? Я вас не знаю, не имел чести быть знакомым.

– Вы ошибаетесь... Год назад мы уже встречались.

Соловейчик, присмотревшись к подполковнику, сказал:

– А ведь верно: вы – начальник ОБХСС... мы встречались на работе... однажды... Извините, что сразу не признал. Что же вас в столь поздний час привело ко мне?.. Впрочем... Что мы здесь стоим? Проходите, пожалуйста, ко мне.

Соловейчик пошел вперед, за ним – все остальные. Войдя в комнату – опрятную и уютную – Соловейчик, показав на стулья, пригласил:

– Присаживайтесь, товарищи.

Трое присели, а двое – сержант и высоченный старшина – остались стоять в дверях.

– Гражданин Соловейчик...

– Ну, зачем же столь официально? – упрекнул Соловейчик. – Я вам товарищ...

Малышев оставил упрек без внимания.

– Гражданин Соловейчик, мы намерены произвести обыск у вас...

– Простите, что вы сказали? Обыск?! С какой стати? Это какое-то недоразумение!..

А... санкция прокурора у вас имеется?

– Разумеется, – Малышев протянул ему листок с машинописным текстом и печатью. – Ознакомьтесь.

Соловейчик, прочитав, удивленно сказал:

– Не понимаю, но не смею препятствовать... Что же вы намерены искать?

Малышев не ответил на вопрос. Он обернулся к стоящим в дверях милиционерам.

– Старшина, позаботьтесь насчет понятых.

Старшина вышел, но через минуту появился вновь, а следом за ним вошли в комнату соседи Соловейчика – Нина Васильевна и Игорь Юрьевич Курдюковы.

– Вы, товарищи, привлекаетесь в качестве понятых, – обратился к ним Малышев. – У вас нет возражений?

Соседи отрицательно покачали головами. А Соловейчик сказал:

– Может, представите всех пришедших с вами, товарищ подполковник?

– С удовольствием. Майор Кадочников, заместитель начальника УгРо, старшина Плотник и сержант Еременко, оперуполномоченные УгРо, лейтенант Александрович, следователь ОБХСС, я же – подполковник Малышев, начальник ОБХСС. С понятыми, как понимаю, вы знакомы.

– Спасибо.

– Что ж, тогда – приступайте.

К обыску приступили Плотник и Еременко. Следователь разложил на столе бумаги, приготовившись писать. Кадочников и Малышев продолжали сидеть, внимательно следя с двух сторон за поведением Соловейчика, пытаясь увидеть на его лице беспокойство. Но тот сидел на стуле возле единственного окна и совершенно спокойно листал красочный журнал «Советская женщина», не обращая никакого внимания на все происходящее в комнате. Минут через десять после начала обыска он отложил в сторону журнал и спросил:

– Скажите, что вы намерены найти? Скажите. Может, я сумею вам помочь?

Ответил Малышев:

– Ищем то, что надо. Спасибо за желание помочь, но... Думаю, ребята со своей задачей справятся.

– Ну... ладно. Хозяин – барин, – Соловейчик вновь взял в руки журнал.

Тем временем Плотник и Еременко, тщательно осмотрев содержимое старенького и простенького платяного шкафа, деревянного сундука, окованного цветными жестяными полосками, отодвинули и заглянули за громоздкий и продавленный диван. Пока – ничего.

– Вы могли бы сберечь время, – опять заметил Соловейчик.

– Ничего, мы не спешим. Вы сами знаете: солдат спит – служба идет, – усмехнувшись, заметил Малышев.

Соловейчик также усмехнулся.

– Да, но вам, судя по всему не до сна.

– Согласен с вами. Но мы свое возьмем, – на лице Малышев опять появилась улыбка. – Какие наши годы?

Он улыбался, но внутри-то кошки скреблись. Его беспокоило абсолютное спокойствие хозяина комнаты. «Неужели, – думал он, – уже ничего? Успел избавиться от краденого? Позорище, если опоздали».

Старшина Плотник, тем временем, начал простукивать пол, пытаясь обнаружить под половицами пустоту – тайник. Ничего! Он с минуту постоял, озираясь по сторонам. Потом подошел к Еременко, что-то тому шепнул. Они вновь подошли к платяному шкафу. Встали по обе его стороны и стали отодвигать от стены, пытаясь заглянуть туда. Отодвинув, за шкафом что-то тяжело зашуршало и упало вниз, на пол. Старшина отодвинул со своей стороны побольше, залез туда обеими руками и вытащил большой бумажный сверток, перевязанный бельевой веревкой. Повертев его в руках, подошел к столу и положил перед следователем.

Следователь Александрович, показав рукой на сверток, спросил:

– Что здесь, гражданин Соловейчик?

– Здесь? Ну... ткань... на костюм...

– Понятые, прошу подойти поближе, – следователь на глазах всех присутствующих стал разворачивать сверток.

Там действительно была ткань.

– А я что вам сказал? – заметил со своего места Соловейчик, по-прежнему оставаясь спокойным.

– Да, но... не многовато ли для одного костюма?

– Сколько есть.

Следователь вновь спросил:

– Откуда у вас эта ткань?

– Купил, естественно.

– Где?

– В своем магазине. Из нового поступления.

– Господи, – Нина Васильевна, соседка, всплеснула руками, – Яков Яковлевич, откуда у вас такая уйма денег!

Он не ответил. Однако следователь не оставил без внимания слова одной из понятых.

– В самом деле, откуда?

– Разрешите не отвечать на этот вопрос.

– Почему? Ведь отвечать все равно придется – не сейчас, так потом.

– Потом видно будет, – равнодушно заметил Соловейчик.

Ни Малышев, ни Кадочников ничего не могли понять. У того и у другого в голове застрял один и тот же вопрос: почему он так спокойно реагирует на все происходящее? Невольно начала сквозить мысль, что у него не все в порядке с головой. Следователь черкнул на клочке бумаги несколько слов и передал Малышеву. Тот прочитал: «У него – помешательство. Надо будет направить на обследование к психиатру». Малышев согласно кивнул. Но процедуру обыска надо было заканчивать.

Следователь спросил:

– По имеющимся у нас сведениям, эта ткань была похищена в магазине «Светлана». Что вы на это скажете, гражданин Соловейчик?

Соловейчик, недовольно сдвинув к переносице брови, угрюмо сказал:

– Ну, что я на это могу сказать, гражданин следователь, что?!

– Вам виднее, что сказать.

Все присутствующие с удовлетворением отметили, что и он, подозреваемый, обладает эмоциями.

Соловейчик встал. Но Малышев его остановил.

– Нет уж, вы сидите.

Он сел назад.

– Ответьте на вопрос: вы похитили ткань – да или нет?

Соловейчик развел руками.

– Кто-то предал меня... увы... Никому доверять нельзя. Никому! Ну, что за народ, а? Не народ, а кобылка.

– Как понимать ваши слова? Как признание в содеянном?

Следователь ждал, а Соловейчик не спешил с ответом. Он, понурившись, сидел и теребил пальцами бахромку скатерти. После непродолжительной паузы он поднял глаза на сидевших перед ним милиционеров, обреченно вздохнул и махнул рукой.

– А... выхода нет! Только... прошу учесть, что даю показания добровольно, без принуждения с вашей стороны.

Подполковник Малышев возразил:

– Напоминаю: не вы к нам, а мы к вам пришли.

– Это верно.

Следователь спросил:

– Вы похитили из магазина два тюка костюмной ткани типа «Бостон». Мы нашли в результате обыска только один. Где другой тюк?

– О, да вы прекрасно информированы.

Майор Кадочников, ни на минуту не спускавший глаз с лица Соловейчика, ухмыльнулся.

– Служба, гражданин, служба.

– Это верно: служба – дни и ночи.

– Комплимент? Или...

– Без всяких «или», товарищ майор.

К сидевшим за столом подошел старшина Плотник и, обращаясь к старшему по званию, то есть к подполковнику Малышеву, тихонько сказал:

– Осмотр комнаты закончен.

– Хорошо, – Малышев повернулся к Соловейчику. – Итак, гражданин, вы не ответили на вопрос следователя.

Соловейчик, судя по всему, решил.

– Я отвечу не только на означенный вопрос, но и расскажу все остальное. Я, надеюсь, могу рассчитывать, что чистосердечное признание наш суд учтет? – он с надеждой посмотрел на следователя.

Следователь ответил:

– Скорее, да, чем нет.

И Соловейчик во всех подробностях рассказал о краже. Он рассказывал так быстро, что следователь едва успевал записывать. Кадочников и Малышев, слушая, отмечали про себя, что показания точь-в-точь совпадают с информацией осведомителя уголовки. Даже в деталях. О таком обычно приходится лишь мечтать.

– Гражданин Соловейчик, – обратился вновь к нему следователь, – судя по характеру признательных показаний, вы искренне раскаиваетесь в содеянном.

– Я действительно раскаиваюсь и... стыжусь... Войну прошел, трудился, а тут... Нечистая сила под локоть толкнула... Не знаю, как это мог сделать... Вы можете не верить, но я ждал вас. Я чувствовал, что вы за мной придете. Ночами не спал: от каждого стука вздрагивал... Думал, чтобы пойти к вам, но... боязно... Так и не решился.

– И зря, – сочувственно заметил следователь. – Ситуация могла быть иной.

– Увы, – Соловейчик развел руки, – что теперь говорить... Опоздал я.

В отличие от Александровича, сочувствующего Соловейчику, Малышев и Кадочников продолжали относиться с недоверием к показаниям: слишком уж все просто и ясно. Кто перед ними: заблудшая овца или матерый волк? И то, и другое – не исключается. Но, объективности ради, следует признать, что все говорит в пользу первого, а вот в пользу второго ничто не указывает.

– Скажите, гражданин, – обратился Малышев, – зачем вам такие деньги понадобились? Вы – один. Зарабатываете немного, но достаточно. Что-то случилось? Кто-то вымогает?

– Это дело сугубо личное, не хотелось бы впутывать в это других, не имеющих отношения...

Александрович возразил:

– Вы говорите, а мы сами решим, кто имеет отношение к вашему делу, а кто нет.

– Неудобно, знаете ли...

– Не ломайтесь, – раздраженно бросил Малышев. – Неудобно одно: штаны через голову надевать, но клоуну и это удастся.

– У меня есть подруга... фронтовая. Десять дней назад сделал предложение... решили соединиться узами брака...

– Кто она? – спросил следователь. Он спросил, хотя ответ уже знал или, точнее сказать, догадывался.

– Аллочка... Простите, Прошкина Алла Демидовна. На фронте сблизились. Она – военврач третьего ранга, я – командир отделения связи. В сорок втором из окружения под Вязьмой вместе выходили... А через год (так судьба распорядилась) оба в плену оказались. В разных концлагерях были. Меня держали в лагере для военнопленных, под Гомелем. Она, как потом, после войны узнал, была в лагере «Терезин» (это в Чехии). Вновь встретились после победы в Свердловске. Вот... Спустя несколько лет решились...

– При чем тут все это? – спросил Александрович.

– Как же! Я подумал, что нам лучше будет, если купим домик на окраине... Чтобы с приусадебным участком.

– Итак, вам понадобились деньги...

– Да... Но, товарищи милиционеры, она ни при чем. Это я все.

Подполковник Малышев саркастически сказал:

– Какое благородство.

Соловейчик развел руками.

– Так воспитан, – и решительно повторил. – Аллочка тут ни при чем.

Кадочников вновь ухмыльнулся.

– Как «ни при чем»? Она же вам помогала в хищении, а потом и в сбыте.

– Вы и это знаете?

– Знаем, потому что задержана торговка на рынке, через которую Прошкина пыталась сплавить украденное.

– Да... но она не хотела... я уговорил. Она категорически возражала. Моя лишь вина.

Следователь Александрович закончил оформление протоколов обыска и изъятия найденного, дал подписать понятым, все время молча стоявшим в сторонке, дал ознакомиться Соловейчику и попросил также подписать.

Соловейчик внимательно прочитал протоколы и поставил подписи. И спросил:

– Что со мной будет?

– Пока мы задержим вас по подозрению в совершении кражи социалистической собственности, а потом будет предъявлено и обвинение в совершении данного преступления, – ответил следователь и стал собирать исписанные листки бумаги в стопку. – Прошу вас, гражданин Соловейчик, собираться.

Часть 7

Шифротелеграмма в Москву из УМГБ Свердловской области:

«Нами задержаны по подозрению в хищении социалистической собственности Соловейчик Яков Яковлевич 1911 года рождения и Прошкина Алла Демидовна 1913 года рождения. По нашим данным, оба в начале 1942 года выходили из окружения под Вязьмой, а в 1943 году оказались в немецко-фашистском плену. Соловейчик находился в концлагере под Гомелем, Прошкина – в концлагере «Терезин» (Чехия). Оба были освобождены в результате наступления Красной Армии.

Прошу проверить по архивам обстоятельства, при которых указанные лица попали в плен и обстоятельства их освобождения из плена. О результатах – информируйте. Генерал Чернышев».

Совещание, проводимое отделом административных органов Свердловского обкома КПСС, закончилось. Все шумно задвигали стульями и стали покидать зал. С кислым выражением лица (не по нутру ему были подобного рода мероприятия, считая единственным их результатом, – пустую трату времени) поднялся со своего места и подполковник Малышев. Он вышел в проход и направился вместе с другими к двери, на выход. Но тут за спиной услышал голос заведующего отделом Савинова:

– Иван Семенович, а вы задержитесь, – Малышев обернулся. – Зайдите ко мне, в кабинет.

– Слушаюсь, – ответил Малышев.

Он вышел в коридор, поднялся на четвертый этаж, прошел прямо, в конец коридора и открыл дубовую дверь приемной Савинова. Сидевшая за пишущей машинкой седоватая старушка подняла вопрошающие глаза.

– Илья Максимович просил зайти.

– Он у себя, – откликнулась старушка. – Проходите, пожалуйста.

Малышев вошел в кабинет и остановился.

– Присаживайся, Иван Семенович, – хозяин кабинета показал рукой на стоящий напротив стул.

Малышев прошел и присел.

– Жалуются на тебя, – без всяких предисловий начал Савинов.

– Меня это не удивляет.

– А меня – очень, – Савинов исподлобья смотрел на сидевшего напротив него. – Я тебе должен напомнить, что не в первый раз.

– Илья Максимович, это же хорошо, когда жалуются. Значит, взяли за живое. Значит, на верном пути. Хуже, когда жулье станет благодарить.

– О чем ты? Какое «жулье»?

– То самое жулье, с которым мне приходится иметь дело.

– Говори, да не заговаривайся. На тебя не жулье, как ты выражаешься, жалуется...

– А кто?

– Первый секретарь горкома партии. Он считает, что ты не с преступностью борешься, а попираешь основные принципы социалистической законности.

– Серьезное обвинение...

– Оставь иронию для другого случая, – Савинов с трудом сдерживался. – Что ты привязался к магазину «Светлана»? Как мне сообщили, ты вновь там разбойничаешь.

– Вы так напрасно со мной... Обижаете...

– А партию обижать можно? А честных коммунистов третировать можно? Я тебе должен напомнить: времена вашего произвола давно закончились. И партия больше вам не даст возможности вернуться к прошлому. Учти!

– Я не третирую честных коммунистов...

– Ты не понимаешь?.. Я тебе уже однажды говорил: ты – коммунист, и будешь делать то, что говорит партия. Тебе понятно?!

– Это понятно. Но непонятно другое: разве партия говорит о том, что коммуниста наличие партбилета избавляет от ответственности? Вор – он и есть вор. Мне все равно: с партбилетом он в кармане или нет.

– Повторяю: говори, да не заговаривайся. Не хочешь ли сказать, что партия состоит из воров?

– Я этого не говорил.

– Не говоришь, но подразумеваешь. Я тебе официально заявляю: все, что связано с членами правящей партии, решать не тебе, а нам. Понятно?

– Нет.

– Дерзишь?! Сожалею... Кстати, я разговаривал с Азаровым... Он также тобой недоволен. Он также просил тебя оставить в покое руководство магазина «Светлана»... Кто ты такой?! Почему не слушаешь советов – ни наших, ни непосредственных руководителей? Так ты можешь далеко уйти. Впрочем, партия тебе не позволит... Иди! И подумай... Пока еще не поздно.

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Обыск на квартире Соловейчика лично у меня вызвал двойственное чувство. С одной стороны, у меня он вызвал жалость. Согласитесь, со столь искренним и честным преступником не так уж часто доводится встречаться. Я тогда думал: «Оступился человек... С кем не бывает. Главное, искренне раскаивается, готов загладить вину. Он не увиливает, не валит вину за случившееся на других. Порядочен по отношению к подруге, будущей супруге». Короче говоря, во всех отношениях мужик вправе рассчитывать на сострадание. А, с другой стороны, я все время ловил себя на мысли, что все происходящее производит впечатление чего-то не натурального. Точно также ощущаешь себя, когда приходишь в театр на премьеру, а уходишь после спектакля – обманутым: происходившее на сцене – не искусство, а его подделка.

Майор Кадочников, мой тогдашний кумир, относился с долей скепсиса к происходящему во время обыска. Я это не видел, но ощущал. Я чувствовал, что он прав, а вот объяснить – не мог. Он не доверял, потому что за плечами огромный жизненный опыт. Я не вполне, скажу так, доверял словам Соловейчика, из-за моего слепого поклонения кумиру.

Такое вот странное раздвоение личности произошло во мне.

После обыска я много думал, воскрешая все мельчайшие детали происходившего. И чем дольше думал, тем больше находил в поведении Соловейчика странного. Необъяснимого. Непонятного. Но это – в мелочах. По крупному же – все как раз было предельно понятно: человек совершил нехороший поступок, поддавшись минутной слабости; осознав случившееся с ним, готов на любые жертвы, чтобы исправить зло».

Генералу Чернышеву только что принесли дымящийся чай – в стакане и старинном серебряном подстаканнике. Сделав маленький, пробный глоток, с удовольствием хмыкнул – по его вкусу, значит. А обожал он чай горячий (крутой кипяток, а когда напиток чуть-чуть остывал, то он его уже называл ополосками). Пил без сахара: говорил, что сахар вреден для организма; что от чрезмерного его употребления может развиваться сахарный диабет. Дома заварку готовил только сам, не доверяя никому, и по собственному оригинальному рецепту. На службе – это делал его помощник Некрасов, у которого, по словам генерала, на сей счет талант, превосходящий его собственный, то есть генеральский.

Он пил медленно, наслаждаясь напитком, вдыхая его аромат и всякий раз поцокивая языком.

Вошел капитан Некрасов.

– Товарищ генерал, в приемной подполковник Малышев. Говорит, что вы вызывали. Может войти?

– Да. Пусть заходит.

Некрасов вышел и тотчас же вошел Малышев.

– Товарищ генерал...

– Проходи, подполковник, присаживайся, – генерал показал рукой на стоящий напротив стул.

Малышев прошел и присел. Генерал допил чай, отодвинул в сторону подстаканник. Посмотрев внимательно на вошедшего, спросил:

– Как дома? В порядке?

– Так точно, в порядке, товарищ генерал.

– Если что – говори, не стесняйся.

Подполковник еще раз повторил:

– Все в порядке, товарищ генерал.

– Тогда – ладно... Я вот зачем вызвал тебя: Савинов звонил... Пять минут назад... Что там за история с магазином «Светлана»?

Малышев встал.

– Докладываю, товарищ генерал...

– Да, сиди ты, – генерал недовольно поморщился, – мы же одни.

Малышев снова присел на стул.

– От осведомителя стало известно...

– Не надо подробностей. Я подписывал запрос в Москву. Скажи, что-то серьезное?

– Понимаете, товарищ генерал, похищенное подпадает под категорию особо крупного... А, кроме того, в этом деле много неясного, подозрительного.

– Вот как? А мне докладывали, что подозреваемый дает правдивые показания; что у него на квартире во время обыска обнаружено похищенное; что история предельно проста и может уже через месяц пойти в суд... Если, конечно, вы все там не сочтете возможным прекратить уголовное преследование...

– По закону, товарищ генерал, не положено. Не на поруки же отпускать?

– А почему бы и нет? Как-никак фронтовики – оба.

– Не мне этот вопрос решать: суду. Думаю, там учтут и это обстоятельство.

– У тебя, что, есть сомнения насчет их прошлого?

– Не знаю, как и сказать... Очевидного – ничего, однако...

– Тогда зачем надо было в Москву слать запрос?

– Это, собственно, не моя инициатива... Это – капитан госбезопасности Целищев настоял. Узнав, что задержаны находившиеся в плену... Сами знаете, какая у них установка. Не грех, мол, лишний раз перепроверить. Они...

– «Они» – это мы, подполковник, – поправил его генерал.

– Это так, но задачи все же у нас разные.

– Задачи, может, и разные, а вот цель одна – чтобы социалистическое общество с каждым днем здоровело; чтобы твердо и победно все мы шли к коммунизму.

– Согласен, товарищ генерал.

– И на том спасибо, – по лицу генерала пробежала улыбка. – Работайте. Не собираюсь мешать. Поступайте, как считаете нужным. Не хватало, чтобы я занимался каждым воришкой.

– Но воришки-то бывают разные, – заметил подполковник и взглянул в глаза генералу.

- Верно: далеко не по каждому вору звонит Савинов...
- Давят? – спросил Малышев.
- Ну, ты тут перебрал. На меня давить – пустая трата времени. Я и сам могу так надавить... на кого хочешь... что косточки захрустят.
- Это – хорошо!
- Что «хорошо»?
- Все.
- Хорошо-то хорошо, подполковник, но ты тоже будь поумнее, когда разговариваешь с бывшими «комсомолятами», между нами, мальчиками говоря. Вспыхиваешь, как порох, после первого же слова... дерзишь. А они этого там не любят. Я тебе уже как-то говорил, что надо быть поддипломатичнее, когда имеешь дело с ними. Я уже советовал тебе: слушай их наставления, согласно кивай, а сам действуй так, как тебе подсказывает совесть и закон.
- Не могу... не умею, товарищ генерал... не обучен.
- Не можешь? Тебе трудно действовать по закону?
- Нет... Не могу лицемерить.
- Ишь ты! А я могу?! Мне-то гораздо больше приходится выслушивать. И ничего! Гибче надо быть, гибче, подполковник. Прямолинейность – не всегда во благо.
- Не умею, – упрямо повторил Малышев.
- Учись! Интересы дела этого требуют.
- Обидно, товарищ генерал...
- Да? Что-то новенькое.
- Обидно, поскольку знаю мотив их защиты руководителей магазина «Светлана»... а... прикрываются партией...
- Не думаешь ли, что я не знаю, что они там пасутся; что имеют свой личный интерес? Знаю, все знаю... И тем не менее выслушал с видимым вниманием все, о чем говорил мне Савинов... И даже пообещал хорошенько наподдавать тебе, чтобы ты «не попирал социалистическую законность».
- От вас, товарищ генерал, я готов... если вы так считаете.
- Генерал расхохотался.
- Чудак! Не понял? Я тебя в обиду не дам! Никому!
- Но...
- Но ты тоже постарайся пореже меня подставлять, понял? Не думай, что мне так уж приятно выслушивать этих зануд. Особенно, когда по таким вот пустякам.
- Слушаюсь, товарищ генерал!
- То-то же! – генерал шутливо погрозил ему пальцем. Но потом все же добавил. – Надеюсь, все, о чем мы тут с тобой говорили, останется исключительно между нами?
- Естественно, товарищ генерал! – ответил Малышев и встал. – Разрешите идти?
- Иди... И работай.
- Спасибо, товарищ генерал.
- За что?
- За то, что «наподдавали».
- Хорошо наподдавал?
- Так точно!
- Иди. И скажи там Некрасову, чтобы чайку свеженького спроворил.

Часть 8

Шифротелеграмма из Москвы в УМГБ Свердловской области:

«В ответ на запрос сообщаю:

а) согласно архивным данным, Соловейчик Яков Яковлевич освобожден из плена частями 126-й дивизии 6-й гвардейской армии 2-го Белорусского фронта; проверку проходил в особом отделе дивизии; судя по имеющемуся рапорту лейтенанта особого отдела дивизии Ефремова, ничего подозрительного или заслуживающего внимания в отношении названного лица не установлено; после проверки Соловейчик был зачислен в названную дивизию в качестве санитаря медслужбы; замечаний по службе не имел; после демобилизации изъявил желание поехать жить в Свердловск, где, по его словам, живет единственная, оставшаяся в живых, его родственница, фамилия которой не указана; по имеющимся сведениям, Соловейчик родился и вырос в селе Нагорное (в двадцати пяти километрах западнее Каменец-Подольска), которое до присоединения к Украине в 1940-м году входило в состав Польши;

б) согласно архивным данным, Прошкина, лейтенант медицинской службы, пошла на фронт добровольцем, работала военврачом в медсанбате 146-й дивизии Западного фронта; в декабре 1942 года дивизия попала в окружение; часть красноармейцев вышли из окружения, часть присоединилась к партизанскому отряду Федорова; некоторые оказались в плену, в том числе и Прошкина; означенное лицо находилось в нескольких концлагерях; в декабре 1944 года (вместе с другими военнопленными) была освобождена частями того же Белорусского фронта из лагеря «Терезин»; после проверки в особом отделе 6-й гвардейской армии (проверку осуществлял лейтенант Климчук) Прошкина была зачислена в медсанбат военфельдшером 126-й дивизии; ничего порочащего за ней не числится; Прошкина подружилась с Соловейчиком и после демобилизации уехала в Свердловск вместе с ним; до ухода на фронт Прошкина жила в Рязани, где и окончила медицинский институт.

Лейтенант особого отдела дивизии Ефремов Василий Алексеевич в настоящее время в отставке, на пенсии и проживает в Ростове по ул. Красноармейской, 111.

Лейтенант особого отдела армии Климчук Степан Семенович уволен в запас и сейчас работает заместителем директора школы №9 в Брянске и проживает по адресу: Ленина, 16, кв.146.

За содействием – обращайтесь. Полковник Астраханцев».

УМГБ. Кабинет капитана госбезопасности.

Целищев просматривал свежий номер газеты «Правда» с очередным (на четверть первой страницы) портретом товарища Сталина, когда в его кабинетик на третьем этаже вошел Ярошенко.

– Товарищ капитан, арестованный доставлен. Ввести?

– Давай-давай.

Тот вышел и через минуту вновь появился, но теперь уже сопровождал Соловейчика.

– Присаживайтесь, пожалуйста, гражданин Соловейчик, – обратился к нему Целищев. Ярошенко остался стоять у дверей.

– А ты можешь быть свободен... Пока.

– Но, товарищ капитан...

Ярошенко хотел возразить и сказать, что согласно инструкции он не может оставлять арестованного один на один со следователем: мало ли что может тот выкинуть. Целищев прервал его.

– Оставь нас. Понадобисься – вызову.

– Слушаюсь, – ответил он и, повернувшись, вышел.

- Мы с вами не знакомы, Яков Яковлевич, не так ли?
- Кажется... Скажите, а где мой следователь? Мне сказали, что ведут на допрос. Почему не он, а вы?
- Не огорчайтесь, Яков Яковлевич. По вашему делу был и остается следователем Александрович. И вы еще не раз с ним встретитесь. Я же – по другому ведомству...
- Не понимаю...
- Ничего, сейчас поймете. Яков Яковлевич, с вами имеет честь беседовать капитан госбезопасности Целищев...
- Простите... Госбезопасности?!
- Так точно.
- Признаться, сильно удивлен, товарищ... простите, гражданин капитан. Я – не дока в таких делах, однако полагал, что обвинение, предъявленное мне, вне сферы интересов чекистов. Или я ошибался?
- Нет. Вы правы.
- А коли так, то...
- Яков Яковлевич, меня не интересует ваше дело...
- А что? Зачем я у вас?
- Я решил, видите ли, побеседовать с вами на другую тему и тешу себя надеждой, что вы со мной будете искренни...
- А было разве иначе?
- Не знаю.
- Так знайте же: мне скрывать нечего.
- Очень хорошо... если так.
- Я считаю так: сумел натворить – умей и отвечать за сделанное. Когда все налицо, юлить и увиливать – безрассудство. Все равно не поможет, все равно посадят.
- Вы все правильно понимаете. И, значит, моя задача упрощается.
- Простите, но могу я знать вашу «задачу»?
- Отчасти.
- Почему лишь «отчасти»?
- В моем ведомстве не принято сразу раскрывать все карты.
- Гражданин капитан, вот я у вас уже минут пятнадцать, а по-прежнему не знаю, зачем доставлен.
- Не думаю, что следует спешить. Не горит, не правда ли? Времени достаточно – и у вас, и у меня.
- Вы меня вконец запутали. Все же скажите, чем вызван интерес вашего ведомства к моей скромной персоне?
- Вам интересно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.